

Логика истории СССР



Корытин Юрий

18+

Юрий Александрович Корытин

Логика истории СССР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69893836

SelfPub; 2024

Аннотация

До сих пор историю СССР только описывали, но никто не пытался её объяснить. В этой работе методами политэкономического анализа вскрывается логика развития нашей страны в XX веке. Материалистический подход к объяснению исторического процесса позволил выявить фундаментальный фактор, определявший развитие Советского Союза на протяжении всего периода его существования. Как следствие, все этапы и факты истории СССР получили своё логическое объяснение.

Содержание

Метод анализа истории	6
Вульгарный коммунизм	10
Причина неадекватности «советского» способа производства	20
Реформа 1861 г.	29
Гражданская война	34
Военный коммунизм	45
Нэп	54
Индустриализация	58
Коллективизация сельского хозяйства	66
Советская экономическая система	75
Человеческий фактор	86
Тоталитаризм	92
Реформы и реформаторы	101
Высшее достижение	108
Уроки	114

Юрий Корытин

Логика истории СССР

В последние десятилетия наука обогатилась многими работами, посвящёнными советскому периоду отечественной истории. Опубликовано большое количество ранее недоступных для изучения архивных документов, которые заставили во многом пересмотреть устоявшиеся представления. Кажется, не осталось больше ни секретных материалов, ни запретных тем.

Однако, несмотря на обилие новых фактов, история СССР до сих пор не объяснена, а следовательно, и не понята должным образом. Фундаментальные факторы, определявшие весь ход советской истории, её *логику*, остаются нераскрытыми.

До недавних пор считалось, что общество развивается по восходящей, от менее прогрессивной общественно-экономической формации к более прогрессивной, и это обстоятельство всецело определяет логику истории нашей страны. События последних десятилетий заставили усомниться в столь однозначно прямолинейной интерпретации исторического процесса. У многих отказ от прежних идеологических и методологических представлений вылился в волну критического и, более того, огульно-отрицательного отношения ко всему советскому. Однако совершенно очевидно, что ради-

кальный разрыв с прошлым не способствовал постижению истории СССР как логически взаимосвязанного и закономерного процесса. Невозможно постичь истину, просто поменяв прежние оценки на противоположные.

Вместе с тем в необъяснённом, а следовательно, и непредсказуемом мире как отдельный человек, так и общество в целом не могут не ощущать психологического дискомфорта. Поэтому сохраняющаяся необъяснённость советского периода нашей истории, кажущаяся иррациональность отдельных её событий и этапов из чисто научного факта превратились в общественно-политическую проблему. В этой работе преследуется цель приблизиться к пониманию объективной логики истории Советского Союза, подразумевая под этим не простое комментирование событий, а выявление фундаментальных причин, их породивших.

Метод анализа истории

Для выявления логики истории прежде всего необходимо выбрать правильный *метод* анализа, который среди всего многообразия фактов и действующих лиц позволит установить причинно-следственные связи.

Бурные процессы последних десятилетий в методологическом плане привели по крайней мере к одному положительному результату. Окончательно доказана безальтернативность метода *исторического материализма* для выявления скрытых движущих сил исторического процесса. Следует напомнить в этой связи тот факт, что западное научное сообщество, не отягощённое идеологическими установками властей и мелочным догматизмом, не смогло, между тем, за десятилетия существования СССР выявить логику его истории. Совершенно очевидно, что невозможно добиться весомого результата в объяснении истории Советского Союза, делая главный упор на личные качества или волюнтаристские (якобы) действия его вождей, «тоталитарную природу» большевизма или особенности национального характера. Представляется, что ключевую роль в отечественной истории играли всё-таки экономические факторы, тесно связанные с господствующей в обществе идеологией.

И тут самое время вспомнить об истмате. Его можно уподобить известному методу наименьших квадратов. Так же

как и он, истмат позволяет на фоне неимоверного количества фактов, событий и поступков выявить *тенденцию* развития и её скрытую логику.

Сущность метода исторического материализма в наиболее краткой форме сформулировал Ф. Энгельс, по мнению которого «в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счёте* является производство»¹. Действительно, способ производства как основополагающий экономический фактор не может не отражаться на всех общественных процессах. Вместе с тем к анализу этого влияния следует подходить диалектически. Энгельс, выделив слова «в конечном счёте», хотел этим подчеркнуть, что экономика не является единственной движущей силой общественного прогресса. На развитие страны оказывают влияние множество других факторов – географическая среда, исторически сложившийся тип государства, культурные традиции, религия, социально-психологические черты нации и т. д. Не следует забывать, что историю творят люди, и она несёт отпечаток их характеров, озарений и заблуждений, мужества и трусости, верности и предательства. Советский Союз находился в эпицентре главных бурь XX века, поэтому на жизнь страны влияли происходящие в мире процессы и политика других держав. Только рассматривая все эти факторы в совокупности, можно получить представление о подлинных причинах событий и движущих силах исторического процесса. Однако, не рискуя ошибиться, можно со всей категорично-

стью утверждать, что именно особенности существовавшего в СССР способа производства, его достоинства и недостатки, заложенные в нём противоречия обусловили *основные* черты советского социализма и явились *главным фактором*, определившим вектор развития советского общества и ход истории СССР.

+++++

(Здесь и далее *комментарии*, поясняющие основной текст, выделяются курсивом, знаками «+» в начале и «-» в конце. Наличие комментариев даёт возможность отклониться от строгой последовательности изложения, не нарушая, между тем, целостности восприятия текста. Кроме того, в комментариях допускается некоторая вольность стиля, включая субъективные оценки, которые, безусловно, совершенно недопустимы в основном тексте).

Попытки объяснить логику истории СССР патологической ненавистью коммунистов к свободе и демократии, властолюбием Сталина или некой «особостью» нашего цивилизационного развития вызывают ассоциацию с муравьём, который сидит на голове слона и полагает, что смена окружающей панорамы определяется направлением ветра, влиянием Луны или даже его собственными желаниями. Только истмат позволяет разглядеть слона, то есть за перипетиями политической борьбы, столкновением личных амбиций и торжеством кажущейся случайности обнаружить фунда-

ментальную движущую силу происходящих в обществе процессов – она заключается в противоречиях и особенностях существующего способа производства.

Другое дело, что недопустимо абсолютизировать любой метод, в том числе, и исторический материализм. Истмат применим отнюдь и далеко не к любому явлению общественной жизни. Сфера его действия **ограничена** самыми глубинными, основополагающими процессами, охватывающими большие массы людей на протяжении длительных исторических периодов.

В этой работе поставленная цель – выявление логики истории СССР достигается методом **политэкономического анализа**, применяемого в рамках **материалистического понимания исторического процесса**.

Вульгарный коммунизм

Вместе с тем правильного метода анализа может оказаться недостаточно для достижения поставленной цели: ведь чтобы исследовать историю СССР через призму существовавшего способа производства, надо сначала точно определить его (способа производства) политэкономическое содержание. На этом пути, возможно, придётся отказаться от привычных, «незыблемых» представлений о советском социализме. Однако, только установив истинную социально-экономическую природу советского строя, мы получим *ключ*, применяя который к различным событиям и этапам жизни страны, можно вскрыть их истинную суть.

Всё это заставляет нас для достижения поставленной цели – выявления логики истории СССР – уделить самое серьёзное внимание определению *сущности «советского» способа производства*. Подробный его анализ изложен в других публикациях^{2,3,18}. Здесь уместно основной упор сделать на историю его становления.

Исходным пунктом анализа должно служить то обстоятельство, что Маркс в основу своего учения положил *трудовую теорию стоимости*.

+++++

Стоимость – ключевая категория политэкономии. Сразу следует уяснить: то, что каждый из нас обычно называет стоимостью и политэкономическая категория «стоимость» – совершенно разные вещи, хотя и носят, по недосмотру учёных, одинаковое название. В первом случае стоимость – это привычный, но неправильный (с научной точки зрения) синоним цены. С точки же зрения политэкономии стоимость (конечно, стоило бы во избежание путаницы подобрать другое название) представляет собой некую **субстанцию**, которая делает **возможным обмен** качественно различных **товаров**. В обычной жизни мы не задумываемся, почему, например, цена пакета молока равна цене двух буханок хлеба? Другими словами, почему пакет молока может быть обменян именно на две буханки, а не на одну, двадцать или двести? Экономисты утверждают, что обменное отношение определяется как раз стоимостями (в политэкономическом понимании этого термина) обоих товаров – молока и хлеба. Но вот по поводу того, что собой представляет эта загадочная субстанция – стоимость, единого мнения до сих пор нет.

Одни учёные утверждают, что стоимость определяется полезностью товара для потребителя. Собственный товар имеет меньшую полезность, чем чужой, поэтому возможен обмен двух товаров.

Другие учёные считают, что стоимость определяется совокупностью всех затрат, учитываемых в себестоимости.

сти товара – затрат капитала, труда и др.

*В марксистской трудовой теории постулируется, что стоимость создаётся **ТОЛЬКО** затратами **труда** наёмных работников. Капитал (средства производства), сам по себе также являющийся результатом приложения труда, но в прошлом периоде, лишь переносит без изменения свою стоимость на товар. Поэтому он не создаёт новой стоимости. Обмениваются при этом равные стоимости, то есть, равные затраты труда на производство товаров.*

Основываясь на трудовой теории, Маркс ввёл понятие *прибавочной стоимости*, которая создаётся работником, но присваивается капиталистом. Тем самым он совершил, по словам Энгельса, своё второе великое открытие (первое – истмат). Теория прибавочной стоимости позволила Марксу вскрыть механизм капиталистической эксплуатации и даже выразить последнюю в количественном виде. Он показал, что капитализм «неимоверно задерживает» развитие производительных сил общества и потому должен быть заменён более прогрессивным способом производства.

В результате Маркс создал свою политэкономия, которая стала ядром всего марксизма как системы философских, экономических и социально-политических взглядов. Именно теория трудовой стоимости и основанная на ней политическая экономия «превратили социализм из утопии в нау-

ку».

С другой стороны, только введение в марксизм экономического раздела придало ему действенность, то есть *практическую* силу – уберите из него политэкономия, и он превратится в обычное философское многословие, оригинальное (и заумное), но не способное, как того хотел его основатель, «изменить мир». А в XX веке, между тем, марксизм это сделал, причём благодаря именно своей политэкономии!

Большевики приняли марксизм в качестве руководства к действию. Марксистская политэкономия обосновывает необходимость обобществления средств производства, ликвидации частной собственности, централизованного и планового характера экономики. Она явилась той теоретической базой, на которой был основан существовавший в СССР экономический *способ производства*, определивший, в свою очередь, главные, принципиальные черты «надстройки» – общественного строя, политической системы и т. д., вплоть до образования и культуры.

Таким образом, жизнь советского общества в большинстве её проявлений, от чисто бытовых до масштабов государства, *в конечном счёте* определялась тем обстоятельством, что Маркс положил трудовую теорию стоимости в основу своей политической экономии. Именно трудовая теория являлась «краеугольным камнем» всего Советского проекта²⁰.

Но как получилось, что в нашей стране альтернативой капитализма стал именно советский вариант социализма?

Главные черты существовавшего в СССР способа производства были predeterminedены в далёком 1875 году, когда Маркс на нескольких страницах своей работы «Критика Готской программы» дал описание основных признаков социализма. Он сделал это, изменив собственному правилу избегать практических рекомендаций, не вытекающих непосредственно из анализа современного ему общества. Между тем капитализм XIX века мог предоставить основоположникам марксизма слишком мало информации о конкретных чертах будущего общественного устройства. Они не располагали известными теперь нам сведениями об эволюции капитализма в последние полтора века и, главное, о характере проявленной им в этот период тенденции развития.

Маркс и Энгельс исходили из реалий *своего* времени. Во второй половине XIX в. стал заметен процесс расширения сферы государственной собственности в капиталистической экономике. Основатели с научной тщательностью зафиксировали и проанализировали это явление. Однако они, как теперь стало件нятно, допустили его абсолютизацию, рассматривая (редкую ещё в то время) национализацию предприятий как признак скорого переворота в способе производства. Это дало им основание заявить, что, «заставляя всё более и более превращать в государственную собственность крупные обобществлённые средства производства, капиталистический способ производства сам указывает путь этого переворота. Пролетариат берёт государственную

власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность»⁴. С тех пор, основываясь на этих ясных указаниях, все сторонники учения Маркса (и даже подавляющее большинство его противников) под обобщением собственности понимали её перевод исключительно в общенародную (до отмирания государства – государственную) форму.

Тенденция огосударствления средств производства в пределе ведёт к естественному вырождению товарного производства и рыночной формы хозяйствования (правильно называть её конкурентной). Следуя этой логике, Маркс и Энгельс противопоставили частнокапиталистической собственности, наёмному характеру труда и рынку другой, альтернативный, полностью отрицающий старые формы способ производства – *коммунистический*, основанный на *общенародной собственности, нетоварном, безденежном, плановом и централизованном производстве*. Распределение общественных благ при этом должно осуществляться в соответствии с (разумными) потребностями каждого индивида («по потребности»).

Кроме анализа эволюции капиталистического способа производства на формирование марксистских представлений о посткапиталистическом обществе оказал влияние вполне нормальный и естественный для молодой теории революционный романтизм. Маркс и Энгельс полагали, что капитализм уже дряхл и гибель его близка. Бурные социаль-

ные конфликты середины и второй половины XIX в., казалось, предвещали скорую мировую пролетарскую революцию. Ликвидация свойственных буржуазному способу производства противоречий и экономических кризисов должна была, по мысли основоположников, обеспечить гигантский скачок в темпах роста общественных производительных сил и после относительно непродолжительного переходного периода позволить осуществить на практике *подлинно коммунистические* принципы функционирования экономики и общества. Коммунизм рассматривался в качестве *ближайшей* цели человечества.

+++++

Отголоски подобных настроений можно встретить в пред- и послеоктябрьских работах В.И. Ленина, в тех надеждах, которые большевики после победы в гражданской войне связывали с новым технологическим укладом – переходом от парового двигателя к электрическому источнику энергии («Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны»), и, последний раз, в программе КПСС, принятой на XXII съезде в 1961 г.: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!».

Однако со временем отцы-основатели марксизма пришли к выводу, что в связи с практическими трудностями непо-

средственного перехода от капитализма к коммунизму между ними всё-таки должен иметь место некий переходный период, за которым утвердилось название «социализм». Предполагалось, что этот этап развития общества и общественно-го производства должен обладать специфическими признаками, отличающими его как от капитализма, так и от коммунизма.

Вместе с тем оптимистический взгляд на будущее развитие общества не мог побудить Маркса и Энгельса уделить этому, как им казалось, кратковременному переходному этапу между капитализмом и коммунизмом то внимание, которое он действительно заслуживает. Кроме того, как отмечено выше, они по возможности старались избегать *конкретных*, практических рекомендаций относительно будущего посткапиталистического устройства общества. В результате социализму было отказано в праве считаться особой общественно-экономической формацией, равной по статусу капитализму и коммунизму. Классики марксизма представили социализм как неполный коммунизм, его первую, низшую фазу и *наделили социалистический способ производства почти всеми атрибутами коммунистического*, включая главный и определяющий – общенародную (государственную) форму собственности на средства производства. Основное отличие заключалось, как известно, в способе распределения – в соответствии с количеством и качеством затраченного труда («распределение по труду»). Этот взгляд на социализм и был

укоренён в «Критике Готской программы».

+++++

1. *Всё, что сказано выше в этом параграфе по поводу трудовой теории стоимости как «первопричине всего» в Советском проекте, не является великим открытием – это положение было не просто хорошо известно, а банально для советских политэкономов. Оно может стать открытием только для нынешних маловыдающихся историков и экономистов, с высокомерным презрением и ехидными смешками выкинувших истмат из своего научного багажа. Всё изложенное можно прочесть в сохранившихся советских учебниках политэкономии и научного коммунизма (была, между прочим, и такая наука, ныне лишённая этого статуса), разве что в более мягких формулировках.*

2. *Следует обратить внимание на то, как, казалось бы, абсолютно оторванный от реальности, бесконечно далёкий от жизни «академический» спор между кабинетными учёными по поводу **содержания политэкономической категории «стоимость»** в итоге привёл к появлению нового, невиданного ранее способа производства и тектоническим сдвигам в ходе развития человеческой цивилизации.*

В этой связи базирование советской общественно-экономической системы на тотальном господстве государствен-

ной формы собственности, плановой организации экономики и стремление к её предельной централизации (управлению предприятиями из единого центра) следует рассматривать как вульгаризацию идеи и теории коммунизма, то есть стремление воплотить принципы коммунизма на недостаточной для этого материально-технической и социальной базе. Следуя этой логике, существовавший в Советском Союзе способ производства должен быть квалифицирован как *вульгарно-коммунистический*, для которого характерна неадекватность (коммунистических, по сути) производственных отношений (объективно не соответствующим этим отношениям) уровню развития и характеру производительных сил². (Вульгарный – плохо, неправильно понятый, а потому упрощённый до искажения).

Тезис о *неадекватности существовавшего в СССР вульгарно-коммунистического способа производства экономическим реалиям XX в.* может рассматриваться в качестве того самого *ключа*, с помощью которого возможно найти решение поставленной задачи – выявления объективной логики истории СССР.

Причина неадекватности «советского» способа производства

Хотя вывод в конце предыдущего раздела получен на основании формальной логики, это не должно служить основанием для скепсиса: он является следствием фундаментальной политэкономической причины.

Эту причину мы обнаруживаем в самом начале той логической цепочки, которая привела основоположников марксизма к их выводам. Источником, из которого марксизм выводит сущностные признаки посткапиталистических способов производства – и отдалённого (коммунизма), и ближайшего (социализма), является трудовая теория стоимости. Однако анализ, проведённый в книге «Синтетическая концепция стоимости»¹⁸, доказывает, что **трудовая теория не является окончательным решением проблемы стоимости** (см. указанную книгу, сс. 129-130).

+++++

Совсем коротко аргументация сводится к следующему.

Трудовая теория считает труд единственным источником стоимости и не признаёт в качестве такового полезность – субъективную оценку важности товара (блага) для удовлетворения потребности индивида.

Однако следует заметить, что «важность блага» и «важность потребности» – не «кабинетные» категории, они существуют в реальности. Наш язык постоянно предоставляет нам свидетельства их существования – ведь говорим же мы «насущное благо», «первоочередная потребность» и т. п. Во всех этих и подобных случаях мы оцениваем **полезность** товара с точки зрения удовлетворения определённой потребности.

Отсутствие в категорийном аппарате трудовой теории категории «полезность» имеет своим следствием принципиальнейший(!) её недостаток – неспособность объяснить природу потребительского **спроса**. Действительно, как можно с позиций трудовой теории объяснить оценку стоимости товара потребителем, если он, безусловно, принимает во внимание его полезность, но никогда не задумывается о затратах труда на его производство? Поскольку категория спроса, наряду с предложением, лежит в основе экономической теории, одного этого более чем достаточно, чтобы серьёзно усомниться в истинности трудовой теории стоимости.

Существуют и другие проблемы, нерешённые трудовой теорией (по причине своей принципиальной нерешаемости в её рамках). В частности, ещё Д. Рикардо, один из основателей теории, был вынужден признать, что стоимость невозпроизводимых антикварных товаров (произведений искусства и т. п.) не может быть объяснена затратами тру-

да на их изготовление. Собственно говоря, похожая ситуация возникает всякий раз, когда стоимость, в которую оценивает товар потребитель, намного превосходит себестоимость производства. В этом случае цена стремится к своему верхнему пределу, тогда как трудовая теория хочет нас убедить, что она должна колебаться вокруг значения стоимости, определяемой затратами труда.

Трудовая теория смогла выработать собственное понимание таких важных категорий, как стоимость рабочей силы и цена земли. Но она заплатила за это неприемлемо высокую цену, в обоих случаях вынужденно выйдя за рамки принятого постулата стоимости и, тем самым, допустив нарушение целостности теории. Это обстоятельство даёт дополнительные (очень) серьёзные основания для сомнений в её соответствии реальности.

Предпринятые марксистами попытки решения проблемы редукции труда, то есть, сведения сложного труда к эквивалентному количеству простого, оказались бесплодными и закончились очевидной неудачей.

Теория не смогла выявить практическую неосуществимость принципа распределения по труду (см. ниже).

Хотя это неполный список принципиальных изъянов и неразрешимых противоречий, он уже слишком длинный для теории, претендующей на решение проблемы стоимости.

Синтетическая концепция стоимости (СКС) получила своё название потому, что в ней осуществлён диалекти-

ческий синтез всех трёх традиционных теорий. В концепции **полезность и затраты факторов производства** удалось **сплавить воедино**, до неразличимости в экономическом показателе, который и называется стоимостью. Было бы неправильным утверждать, что проблемы, столь характерные для трудовой и двух других традиционных теорий, в СКС находят своё решение. Нет, они в ней **вообще не возникают**. Таким образом, именно в синтетической концепции категория «стоимость» и всё связанное с ней нашли наиболее адекватное экономической реальности воплощение.

Безусловно, последнее утверждение может показаться недостаточно аргументированным и чересчур категоричным. Но в коротком комментарии невозможно достаточно полно изложить содержание научной монографии. Поэтому за подробностями следует обратиться к указанной выше книге. (Отсылки к ней, вероятно, скоро начнут раздражать, но что делать, если без них нельзя?).

Несмотря на то, что это обстоятельство рушит логику марксистского анализа прямо в его исходном пункте, оно по-разному отражается на обоих вариантах посткапиталистического способа производства. Оно не отменяет положения марксистской теории, относящиеся к коммунистической общественно-экономической формации. Здесь нет противоре-

чия: связь трудовой теории и концепции коммунистического общества не так однозначна, как это кажется марксистам. Очевидно, что капитализм не вечен: период его существования ограничен временем, когда люди вынуждены конкурировать за ограниченные ресурсы. И альтернативой ему, пусть и очень отдалённой, может выступать только коммунизм. Но для того, чтобы осуществить распределение по потребности, не требуется определять затраты труда. Поэтому для обоснования неизбежности коммунистического способа производства нет необходимости обращаться к трудовой теории стоимости. Сомнения в её истинности не могут поколебать марксистские выводы относительно неизбежного наступления эры коммунизма.

Однако сомнение в соответствии трудовой теории экономическим реалиям заставляет пересмотреть сущностные признаки того способа производства, который мы привыкли называть социалистическим. В первую очередь это касается главного его признака – распределения по труду, который прямо и непосредственно следует из трудовой теории. В противоположность ей синтетическая концепция стоимости доказывает, что механизм определения справедливой цены затрат труда отсутствует. Из этого следует вывод, что *принцип распределения по труду на практике неосуществим*. Монопольное положение государства в качестве работодателя в советской экономике и невозможность использовать субъективную оценку результатов затрат труда только усугубляют

ситуацию (см. книгу¹⁸, сс. 127-129). Это обстоятельство подрывает всю логику, на которой основывалась советская экономическая модель.

++++
Аргументация, опять по необходимости коротко.

(1) СКС утверждает, что **СТОИМОСТЬ** любого товара складывается из стоимостей затрат всех применённых факторов производства – труда, капитала, «земли» и ещё пары других, о которых нет смысла говорить, чтобы не усложнять картину.

(2) На рынке формируется **цена** товара, причём, как правило, цена превышает стоимость товара.

(3) Именно рыночная цена затрат **каждого по отдельности** фактора производства, в частности, труда, представляет собой **справедливую(!)** цену осуществлённых затрат. (Справедливость в данном случае понимается как политэкономическая категория, а не философская или бытовая). Примечание: если бы определение этой справедливой цены затрат было простым, ясным и убедительным для всех, для владельца каждого фактора производства, на долю человечества пришлось бы неизмеримо меньше социальных и классовых конфликтов, религиозных ересей, войн и революций – спорить было бы не о чем!

(4) Однако на практике определение справедливой – рыночной – цены затрат каждого фактора производства (3)

наталкивается на непреодолимое препятствие. Дело в том, что в цене товара (2) учитываются затраты всех факторов производства в целом(!), **вкуне, не разделяя вклады отдельных факторов.** Не существует механизма, даже чисто теоретического, который позволил бы вычленить доли затрат каждого фактора производства в (суммарной) рыночной цене товара. (Доли затрат определяются вкладом конкретного фактора производства в создание стоимости товара и, как следствие, его рыночную цену).

(5) Таким образом, рыночный (да и нерыночный, любой, какой можно вообразить) **механизм определения справедливой, рыночной (3), цены затрат каждого фактора производства, в том числе, труда, отсутствует.**

(6) Сосредотачиваясь теперь только на затратах труда: исходя из вывода (5), как можно заявлять об осуществимости распределения по труду, **не имея экономических инструментов для определения вклада каждого работника в общий результат?**

К этому необходимо добавить следующее. В трудовой теории стоимости считается, что объём затрат труда определяется объективными факторами – потраченным рабочим временем и неким коэффициентом, учитывающим сложность труда. В синтетической концепции полезность, инкорпорированная в стоимость, внесла в неё субъективную(!) составляющую. Однако наличие субъективной компоненты

превращает процесс определения справедливой (рыночной) цены осуществлённых затрат труда в неразрешимую задачу. Это обстоятельство подтверждает сделанный выше в тексте вывод, причём независимо от (1)-(6).

Более того, если признать, что СКС в гораздо большей степени приближается к истинному решению «загадки» стоимости, мы сталкиваемся с проблемой: из СКС социалистический способ производства не вытекает с той же непреложностью, как из марксистской трудовой теории. Самое очевидное решение этой проблемы заключается в том, что в перспективе капиталистический способ производства плавно, постепенно, но, вместе с тем, прямо и непосредственно может эволюционировать в коммунистический. (Если бы это слово было в русском языке, правильнее было бы сказать «революционировать»). Социалистической (в привычном нам понимании) стадии развития общества в этом случае просто не остаётся места (см. книгу¹⁸, сс. 153-154).

Итак, синтетическая концепция стоимости доказательно утверждает, что трудовая теория не в полной мере отражает экономическую реальность и по этой причине не является решением проблемы, лежащей в основе марксистской (да и любой другой) политической экономии – проблемы стоимости. Следуя далее логике СКС, приходится признать невозможность практической реализации распределения по тру-

ду – основного отличия социалистического способа производства от коммунистического. Существовавший в Советском Союзе полууравнительный, то есть, *полукommунистический* способ распределения подкрепляет полученный СКС вывод. Это обстоятельство в сочетании с другими существенными признаками, «позаимствованными» советским социализмом из коммунистической формации, заставляет признать правомерность полученного выше политэкономического вывода о вульгарно-коммунистическом характере существовавшего в СССР способа производства.

В итоге мы определились как с методом исследования (это политэкономический анализ в рамках исторического материализма), так и с ключевым положением, сверяясь с которым будем пытаться выявить логику истории СССР. Теперь, во всеоружии, можно приступить к анализу её событий и этапов.

Реформа 1861 г.

Исходный пункт всех русских революций – реформа 1861 г. Ликвидация архаических форм социально-экономического устройства общества сняла основные преграды перед буржуазными преобразованиями и в итоге привела к утверждению нового, капиталистического способа производства. Поэтому по своему содержанию и последствиям реформа 1861 г., открывшая дорогу развитию капитализма в России, должна быть признана буржуазной *революцией*, аналогичной тем, которые имели место в ряде европейских стран в 1848-49 гг.

+++++

Ист.мат позволяет однозначно решить вопрос о революционном(!) характере реформ второй половины XIX в., несмотря на их значительную длительность во времени, что должно было бы свидетельствовать, казалось бы, об их эволюционном характере. (Замечание. Революционность или эволюционность реформ определяются их сущностью, а не продолжительностью периода, в течение которого они осуществляются. Пример: социалистические преобразования в СССР тоже были осуществлены отнюдь не одновременно).

Революции бывают не только социальные, но и политические, технологические, культурные и т. д. Сущность **соци-**

альной революции заключается в **смене способа производства**. В этом состоит её общественное предназначение.

Побудительной причиной социальной революции является развитие общественных производительных сил – это тот самый «крот истории, который роет» (по Марксу). По мере их развития внутри старого способа производства возникают новые производственные отношения, формируются новые классы со своими интересами. Постепенно, незаметно меняется психология людей.

Старые порядки начинают тормозить развитие общества. Новым производительным силам становится тесно в старых оковах. Обострение «основного противоречия» существующего способа производства внешне, на поверхности общественной жизни проявляется в том, что всё больше людей начинают осознавать «антигуманность» и эксплуататорскую сущность существующих порядков. (Кавычки поставлены потому, что то или иное представление о гуманности исторически обусловлено). Подготовительный этап революции заканчивается, когда необходимость перемен становится очевидной для всех.

Иногда, как это было в России после 1861 г., назревшие преобразования под давлением обстоятельств вынуждена проводить старая элита. Если же господствующий класс оказывается неспособным к переменам, его сметают. Штурм Бастилии, взятие Зимнего дворца, строительство баррикад и т. п. означает начало политического этапа ре-

волюции – перехода власти к новому классу. В обоих случаях сущность социальной революции проявляется только на следующем этапе – во время длительного периода революционных реформ. Происходит окончательное торжество новых производственных отношений, вместе с ними утверждается новый способ производства. Меняется классовая структура общества. В итоге, по прошествии времени, формируется новая психология людей, отражающая перемены в способе производства. Только после этого можно говорить о завершении социальной революции, и только произошедшие в сознании людей перемены могут служить свидетельством успеха или неуспеха революции.

Предыдущие три абзаца достаточно точно описывают то, что происходило в России до отмены крепостного права и в десятилетия после неё. В рамках дискуссии о революционном или эволюционном характере реформ, последовавших после отмены крепостного права, можно сочинить вагон диссертаций и маленькую тележку монографий, сломать целый лес копий, выпустить в оппонентов тучу отравленных стрел, перелопатить кубокилометры архивов и излить Ниагары слов на «представительных» конференциях. С точки же зрения истмата достаточно знания **ТОЛЬКО ДВУХ ФАКТОВ**: до 1861 г. в России господствовали феодальные производственные отношения, а в 1899 г. Ленин закончил книгу под названием «Развитие капитализма в России», то есть, в то время капитализм в стране уже преобладал. Сле-

*довательно, в указанном временном интервале произошла смена способа производства. Если это так, то имела место социальная (буржуазная) **революция**, что бы кто ни думал по этому поводу.*

Сходство проявляется и в том, что это была типичная «революция сверху», при которой назревшие реформы проводятся в жизнь старым господствующим классом. Причём он вынуждается к отказу от части своих экономических и политических привилегий не столько накалом политической борьбы (в Европе острая политическая фаза завершилась поражением революционных сил, а у нас до этого вообще дело не дошло), сколько неумолимой логикой развития общественного производства. Однако «революциям сверху» присуща специфическая особенность, заключающаяся в том, что преобразования, осуществляемые руками старой элиты помимо её воли и вопреки её традиционным экономическим интересам, неизбежно носят ограниченный, половинчатый и незавершённый характер.

Как следствие, к началу XX в. в царской России образовался целый клубок взрывоопасных проблем и противоречий – социальных, политических, национальных, религиозных. В качестве наследия феодализма сохранялись сословные пережитки и архаичная, неэффективная политическая система. Буржуазия требовала права непосредственно вли-

ять на государственную политику в своих интересах. Варварский характер «старого» капитализма, капитализма XIX в., основанного на практически ничем не ограниченной эксплуатации (сверхэксплуатации), вступил в противоречие с увеличивающейся сложностью труда и ростом квалификации рабочей силы. На практике это противоречие проявлялось в крайнем обострении классовой борьбы.

Однако центральным вопросом всего экономического и общественно-политического развития России оставался всё-таки крестьянский вопрос. Поэтому, хотя все русские революции начинались в городах, именно проблема завершения буржуазных преобразований аграрного сектора в конечном счёте определяла ход и результат революции (и гражданской войны – см. далее). Только включение в борьбу крестьянства – основной части населения страны – придавало революционному движению размах, глубину и подлинно народный характер.

Гражданская война

Пришедшая к власти в результате Февральской революции буржуазия продемонстрировала свою полную неспособность решить стоящие перед страной давно назревшие проблемы. Поэтому она закономерно власть потеряла.

Ретивые ниспровергатели всего советского в стремлении принизить значение Великой Октябрьской социалистической революции именуют её Октябрьским переворотом. Однако уже в ночь с 26 на 27 октября 1917 г., с принятием «Декрета о земле», кардинальным образом изменившим аграрные отношения в стране, переворот стал революцией.

В качестве неотъемлемой части «Декрета о земле» в него вошёл общекрестьянский наказ о земле. Он был составлен эсерами на основании 242 местных наказов, принятых на прошедших по всей стране сельских сходах. В.И. Ленин неоднократно признавал, что первоначальными своими успехами, в том числе «триумфальным шествием» по стране в первые месяцы после Октября, Советская власть была обязана тому, что большевики сознательно отступили от своего идеала – общественной обработки земли в крупных хозяйствах (типа будущих совхозов) и способствовали принятию «Декрета о земле» в «эсеровской», а фактически в народной, крестьянской редакции, закреплявшей преимущественно индивидуальный способ хозяйствования в деревне.

Сельское хозяйство в начале XX в. базировалось на тягловой силе животных. При отсутствии возможности организации крупного машинного производства мелкая индивидуальная собственность и основанный на ней способ хозяйствования (при наличии общины и простейших форм кооперации или без них) являлись оптимальными для решения социальных и экономических проблем деревни. Поэтому «вековые чаяния» российского крестьянства о *земле и воле* имели под собой очевидное экономическое обоснование.

В своей основе мероприятия, предусматриваемые «Декретом о земле», лежали в русле буржуазно-демократических, а не социалистических преобразований деревни. Их должны были осуществить ещё царское и Временное правительства, но они в силу своей классовой ограниченности не справились с этой исторической задачей.

Важно отметить, что предпринятые Советским правительством аграрные преобразования отвечали интересам *всего* крестьянства – и бедняков, и середняков, и кулаков. Поэтому два декрета – о земле и о мире обеспечили Советской власти в первые месяцы её существования поддержку подавляющего большинства населения. Сбывалось предоктябрьское предвидение Ленина, утверждавшего, что никакая сила не свергнет правительство, давшее народу мир, а крестьянам – в стране с огромным аграрным перенаселением – землю без выкупа. Он предполагал, что «сопротивление буржуазии... конечно, неизбежно. Но, чтобы сопротивление до-

шло до гражданской войны, для этого нужны хоть какие-нибудь массы, способные воевать и победить Советы. А таких масс у буржуазии нет и взять их ей неоткуда»⁵. Таким образом, соотношение сил осенью 1917 – весной 1918 г. исключало крупномасштабную(!) гражданскую войну.

И вдруг поздней весной и летом 1918 г. произошла целая серия контрреволюционных восстаний, в результате которых Советская республика потеряла аж 3/4 территории. Колчак угрожал Поволжью, почти уничтоженная ранее Добровольческая Армия захватила Северный Кавказ. Эти успехи контрреволюции не могут быть объяснены ни усилением натиска уже разбитых ранее буржуазно-помещичьих элементов, ни интервенцией государств Антанты, которая до выхода Германии из войны в ноябре 1918 г. носила ограниченный характер. Главная причина заключается в том, что буржуазная контрреволюция к лету 1918 г. получила *массовую базу* в лице крупного и отчасти среднего крестьянства и казачества, которой не имела ранее.

Фактором, коренным образом изменившим ситуацию за такой короткий период, была проводимая жёсткими методами политика государственной *хлебной монополии*. Хлебная монополия и осуществлявшаяся в её рамках с 1919 г. продразвёрстка представляли собой способ решения продовольственной проблемы в стране с разрушенной войной экономикой. Принципиально, что в стране имелось достаточно(!) хлеба для удовлетворения потребностей населения, но он

находился в деревне, в основном у кулаков и частично у середняков, и проблема состояла в том, каким способом изъять(!) у них хлебные запасы для снабжения городов.

В условиях военной разрухи город мог предложить селу всё меньшее количество промышленных товаров в обмен на продовольствие. При бестоварье хлеб оставался единственной «твёрдой валютой», главным предметом торговли. В результате цены росли, а крестьяне придерживали хлеб в ожидании дальнейшего их повышения. Таким образом, традиционный капиталистический метод свободной рыночной торговли в условиях разрухи и бестоварья стал неэффективным. Поэтому Временное правительство (а отнюдь не Советское!) в первый же месяц своего существования приняло закон о хлебной монополии. Суть его заключалась в запрещении всякой частной торговли хлебом, в закупке его государством по твёрдым (а не рыночным!) ценам и распределении только через государственные органы, то есть вводилась *государственная монополия* на торговлю хлебом. Однако Временное правительство оказалось неспособным последовательно воплотить этот антирыночный и антибуржуазный закон в жизнь.

К маю 1918 г. ситуация с продовольствием в городах обострилась до крайности. Перспектива падения Советской власти в результате голодных бунтов, призрак которых неотступно преследовал и царское (вспомним начало Февральской революции), и Временное правительства, стала реаль-

ностью. Неизбежным следствием восстановления свободных цен на хлеб и легализации его рыночной торговли стал бы неизбежный массовый голод обнищавшего и потерявшего работу за годы военного лихолетья населения городов. Поэтому большевики главной мерой предотвращения голода считали контроль и регулирование сферы распределения продуктов со стороны государства. Они ужесточили и довели до логического предела систему государственной хлебной монополии.

В мае-июне 1918 г. был принят ряд декретов, ознаменовавших переход к *продовольственной диктатуре*. Посылка вооружённых продотрядов в деревню приняла массовый и организованный характер. Был объявлен «крестовый поход в деревню за хлебом» против кулаков, удерживающих излишки хлеба. Задача состояла в том, чтобы силой(!) заставить зажиточное крестьянство подчиниться режиму хлебной монополии.

В результате свободная торговля хлебом в стране (за исключением незаконных спекуляций) была ликвидирована. Её заменила строго централизованная государственная система заготовки (с начала 1919 г. получившая название продразвёрстки) и карточного распределения продовольствия.

+++++

Между прочим, неизбежность и безальтернативность

подобных действий подчёркивает тот факт, что и карточная система, и даже продразвёрстка(!) вводились ещё царским(!) правительством в 1915-1916 гг. как способ спасения городского населения от голода в условиях войны. Аналогичные мероприятия ввели почти все воюющие державы.

Продразвёрстка получила своё название от системы, при которой объём поставок хлеба из деревни в города **развёрстывался** по губерниям. Таким образом, продразвёрстка представляла собой ту же самую политику хлебной монополии, но уже на плановой основе.

.....

Крестьяне были обязаны сдавать весь товарный хлеб по твёрдым ценам, устанавливаемым государством, которые были на порядок ниже спекулятивных рыночных, а с учётом быстрого обесценивания денег – практически безвозмездно. Естественно, укрупнительство хлеба приняло массовый характер. В этих условиях государственные заготовки хлеба приняли характер насильственных реквизиций. Неизбежным следствием сопротивления крестьян хлебозаготовкам стало усиление репрессивных действий органами ВЧК.

Политика хлебной монополии, сопровождаемая репрессиями и подрывающая самые основы крестьянского хозяйства (говоря марксистским языком, она исключала расширенное и ограничивала даже простое воспроизводство), за короткое время превратила зажиточного крестьянина (не

только кулака, но в значительной мере и середняка) из благодарного союзника в «злейшего врага» Советской власти. Зажиточное крестьянство и казачество составили массовую базу белых армий. Причём, в отличие от крупной буржуазии и помещиков, они боролись не за собственность, не за землю (они её получили как раз от большевиков), а за *свободу торговли*, против реквизиций и репрессий «чрезвычайек» (органов ВЧК).

Компромисс стал невозможным: гражданские войны, как правило, его исключают, они заканчиваются или победой одной из сторон, или полным истощением сил. Уже в августе 1918 г. Ленин имел все основания заявить, что «кулаки – бешеный враг Советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может»⁶. Под кулаками здесь следует понимать и значительную часть середняков, интересы которых также были затронуты режимом хлебной монополии. (Необходимо заметить, что после «Декрета о земле» численность середняцких хозяйств резко увеличилась, в несколько раз).

Принципиально, что взаимная несовместимость Советской власти и зажиточного крестьянства (в том числе и кулаков) не была предопределена заранее и не вытекала из теории большевизма. Кулак наиболее ярко отражал *двойственную* природу крестьянина как хозяина, собственника, с од-

ной стороны, и труженика – с другой. В соответствии с этим марксистским тезисом большевики не ставили цели экспроприации мелкого собственника. Даже в конце гражданской войны, в которой кулаки сыграли далеко не последнюю роль, Ленин продолжал придерживаться той же принципиальной точки зрения: «...экспроприация даже крупных крестьян никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата»⁷, допуская конфискацию земли лишь в случае сопротивления кулаков Советской власти. Кулак, в отличие от капиталистов и помещиков, не был изначально отнесён к идейным врагам Советской власти.

В борьбе против кулака Советская власть задействовала свой главный козырь – классовую борьбу. Если в событиях 1917 г. против помещичьего землевладения крестьянство выступало единым фронтом, как единый класс-сословие, то уже летом 1918 г. отмечаются признаки разгорающейся классовой борьбы на селе, причём она в значительной мере была привнесена туда извне. Дело в том, что логика продовольственной диктатуры потребовала изоляции кулака на его собственной территории – в деревне и мобилизации бедняцкого слоя на борьбу с ним. Часть изъятого у зажиточных крестьян хлеба (до 25%) стала раздаваться на месте деревенским беднякам, которые традиционно страдали от недостатка продовольствия. В июне 1918 г. был издан декрет об организации комитетов бедноты (комбедов). Комбеды наряду с продотрядами сыграли огромную роль не только

в реализации политики продовольственной диктатуры, но и в подрыве экономических основ влияния кулачества путём его частичной экспроприации (кулаки лишились 50 млн. из 80 млн. гектаров, которыми они владели до революции).

Классовая дифференциация крестьянства, безусловно, является результатом объективных процессов, но одного этого фактора было недостаточно для того, чтобы в деревне разгорелась бескомпромиссная классовая борьба. В.И. Ленин не отрицал, что именно государство в критический момент дало толчок классовой борьбе на селе, создав для этого организационную структуру в виде комбедов: «...мы были вынуждены в рамках государственной организации положить в деревнях начало классовой борьбе, учреждать в каждой деревне комитеты бедноты полупролетариев и систематически бороться с деревенской буржуазией»⁸. В лице бедняков Советская власть получила мощную социальную опору.

Итак, гражданская война стала возможной вследствие раскола народа на две соизмеримые по величине части, разделённые социальной и классовой ненавистью. Существовал ли проход между Сциллой свободной хлебной торговли с неизбежным массовым голодом в промышленных центрах и Харибдой продовольственной диктатуры? Вряд ли. Во всяком случае, предпринятая осенью 1918 г. попытка ввести продналог не увенчалась успехом, так как собрать его тогда, в разгар войны, не удалось, и пришлось вернуться к

методам продовольственной диктатуры. Путь к продналогу пролёг через гражданскую войну, по завершении которой крестьяне уже с готовностью и облегчением восприняли эту меру Советского правительства. Исторический факт в том, что с помощью режима продовольственной диктатуры Советское государство сумело обеспечить население и Красную Армию продовольствием, избежало массового голода в городах, даже несмотря на длительное отторжение хлебных областей.

Историю гражданской войны невозможно понять без осознания того факта, что крестьянство, имея и отстаивая свои собственные интересы, выступало в качестве *третьей*, причём *решающей* силы в развернувшейся борьбе. Но в отличие от двух остальных оно не смогло организовать в самостоятельную, независимую политическую и военную силу. По разным причинам ни эсеры (в центральной России), ни анархисты (на Украине) не смогли стать тем политическим ядром, вокруг которого объединились бы крестьянские массы. Однако именно крестьяне (в основном их самая многочисленная часть – середняки), поочередно сталкиваясь с издержками военного коммунизма и реставрационной политикой белогвардейцев, несколько (не один!) раз меняли свои симпатии, заставляя маятник военных успехов колебаться в ту или иную сторону и определяя тем самым весь ход гражданской войны. В конце концов, Советская власть одержала победу в бескомпромиссной и яростной борьбе потому, что

рабочие, сельские бедняки и середняки не захотели возврата старых порядков. Факты свидетельствуют, что после тесного знакомства с буржуазно-помещичьей контрреволюцией, приносимой на штыках белых армий, крестьяне делали совершенно однозначный выбор в пользу Советской власти.

«Хождением по мукам» гражданской войны трудящиеся массы выстрадали свой выбор. Однако большевики одержали только военную и политическую победу. Переход к нэпу означал принятие большевиками, как и в 1917 г., крестьянской аграрной программы и, следовательно, *экономическую победу крестьянства*. Лишь после этого гражданскую войну можно было считать фактически оконченной.

+++++

Бурные события гражданской войны не должны заслонить того факта, что именно экономические факторы сыграли определяющую роль в самом возникновении гражданской войны, её течении и исходе. Колебания крестьянства, движение фронтов, возникновение мятежей и восстаний зависели прежде всего от того, как противоборствующие политические силы понимали и выражали экономические интересы большинства населения.

Военный коммунизм

Экономическая политика времён гражданской войны (лето 1918 г. – весна 1921 г.) получила характерное название «военный коммунизм». В данном случае название вполне отражает сущность этого периода.

+++++

Попытки организации производства и общественной жизни на коммунистических началах характерны для всех способов производства. Военный коммунизм не первый и, уж конечно, не последний коммунизм в истории. Можно вспомнить в этой связи первобытно-общинный строй – первобытный коммунизм (по Энгельсу), ранние христианские общины, одно из направлений гуситского движения в Чехии – пикартов (XV в.), анабаптистов, в частности, мюнстерскую коммуну (XVI в.), диггеров времён Английской революции (XVII в.). Все они отличались стремлением к уравнительному распределению и уравнительным отношениям в обществе. Военный коммунизм укладывается в ту же тенденцию, но в реалиях начала XX века.

Мы привыкли рассматривать коммунизм как дело далёкого будущего. Мнение революционеров прошлого было иным.

Они полагали, что коммунизм близок, и он наступит в результате мировой революции после непродолжительного переходного периода. Эти представления вели к недооценке этого переходного, то есть социалистического, этапа развития общества.

В целом марксизм не давал большевикам определённого и достаточно полного представления о сущности социализма, прежде всего, о деталях соответствующих способов производства и распределения. Только непосредственное строительство нового общества могло дать необходимую информацию и внести коррективы в представления о социализме. Поэтому В.И. Ленин в своей работе «Государство и революция», написанной всего за несколько недель до Октября, не мог сделать ничего иного, как повторить и прокомментировать относящиеся к проблеме социализма положения из «Критики Готской программы», не добавив к ним ничего принципиально нового.

Большевики, вполне в духе революционного романтизма, преувеличивали положительное воздействие грядущего обобществления средств производства на развитие производительных сил. По Ленину, государственно-монополистический капитализм является «полнейшей материальной подготовкой социализма»⁹: общественный характер производства достигает такой степени, что пролетариату остаётся только взять в свои руки уже созревшие для обобществления банки, синдикаты, железные дороги и т. п. и пустить их в ход, заме-

нив контроль капиталистов контролем со стороны государства трудящихся. (Как показал исторический опыт, процесс монополизации производства носит ограниченный по масштабам характер и отражает противоречия рыночной формы организации экономики, но не капиталистического способа производства как такового¹⁰). Господствовавшее среди большевиков мнение об относительной лёгкости перехода к коммунистическому производству и распределению, отождествление ими социализма с первой фазой коммунистической формации и, следовательно, общенародной (государственной) собственностью, централизацией управления, плановым характером производства, отсутствием рынка и товарно-денежных отношений наложило свой отпечаток на весь начальный период существования Советского государства.

Вместе с тем, придя к власти, большевики проявили здравый прагматизм и не форсировали темпы преобразований, ограничившись поначалу национализацией только самых крупных предприятий и синдикатов, а также банков. Большая часть промышленности и торговли оставалась в частной собственности, но за деятельностью собственников предприятий был установлен рабочий контроль. В этот период, получивший название *государственного капитализма*, В.И. Ленин допускал даже возможность выкупа предприятий у капиталистов вместо их экспроприации¹¹.

Преобладающей формой национализации промышленно-

сти в первые месяцы после Октября был стихийный переход предприятий под контроль и управление не государства, а трудовых коллективов в лице фабричных и заводских комитетов, возникших после Февральской революции. Примечательно, что воплощённая в известном лозунге «Фабрики – рабочим!» идея коллективизации средств производства, то есть перехода их в руки трудовых коллективов (хотя бы на правах пользования), уже в начале XX в. была близка и понятна трудящимся. В противоположность этой «синдикалистской» инициативе, рождённой самостоятельным творчеством масс, большевистская (вульгарно-марксистская) теоретическая доктрина тотального огосударствления собственности в рамках плановой централизованной экономики была куда менее понятна рабочим, поскольку отстояла далеко от того, что они могли наблюдать в реальной действительности.

Однако в конкретных кризисных условиях идущей войны и вызванного революцией грандиозного формационного сдвига стихийный, неподготовленный и не поддержанный властью процесс коллективизации предприятий привёл только к усилению дезорганизации промышленности. Участие в управлении предприятием требует конкретных навыков и, главное, массового коллективистского сознания, которое не могло возникнуть в условиях российского капитализма. Поэтому ситуация объективно требовала не демократизации, а жёсткой централизации производства, распре-

деления и управления. Поэтому летом 1918 г. с началом крупномасштабной гражданской войны произошёл поворот от политики госкапитализма (поощрения развития частного сектора, но под контролем государства) к военному коммунизму. Были национализированы даже мелкие промышленные и торговые предприятия, управление производством и распределением было максимально централизовано. Продовольственная диктатура и продразвёрстка естественно вписались в эту политику. Тенденция уравнительности распределения (через посредство карточной системы) получила свое логическое завершение в конце 1920 г. – начале 1921 г., когда вышли постановления о бесплатном(!) отпуске населению продовольствия и предметов широкого потребления, об отмене платы за жилье и коммунальные услуги. (Следует заметить, что под потреблением «по потребности» марксизм подразумевает удовлетворение не любых, а разумных потребностей, что в условиях того времени означало – самых насущных. С учётом ограниченности потребительских ресурсов «коммунистическое» распределение естественным образом вело к уравниловке).

Была предпринята попытка преодолеть товарно-денежные отношения, что выразилось в свёртывании рыночных механизмов, уменьшении роли денег, стремлении организовать прямой (безденежный, бартерный) продуктообмен между городом и деревней. Программа партии, принятая в 1919 г., прямо и недвусмысленно указывала, что «РКП

стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчёта и подготовляющих уничтожение денег...»¹².

Таким образом, военный коммунизм представлял собой не только закономерную реакцию на гражданскую войну и хозяйственные трудности, но и наиболее последовательное воплощение представлений о социализме как нетоварном, безденежном, централизованном и плановом производстве (в духе «Критики Готской программы»).

Однако нельзя списывать эксцессы военного коммунизма исключительно на идеологическую одержимость большевиков. Их политика была обусловлена прежде всего и в первую очередь экономикой, идеология (тезис о классовой борьбе и пр.) только подкрепляла, обслуживала принимаемые решения. При этом правительство Советской России находило многочисленные обоснования своим действиям в политике других воюющих держав. Вообще, тенденция увеличения роли государства в экономике в период кризисов и войн характерна для всех стран. В частности, в Германии закон о хлебной монополии был принят ещё в начале Первой мировой войны (задолго до Временного правительства!), а к концу её государство заменило рынок централизованным обменом между отраслями. (Чем не пример военно-коммунистических мероприятий?). Ведение гражданской войны в условиях саботажа буржуазии, разрухи и ограниченных ресурсов не оставляло выбора: вульгарно-коммунистические принци-

пы организации и управления экономикой спасли(!) страну так же, как и позже в 1941-1945 гг. Поэтому *к тезису об их неадекватности экономической реальности следует подходить диалектически*. Благодаря своему мобилизационному потенциалу, возможности концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях экономика советского (вульгарно-коммунистического) типа обладала уникальной способностью достигать наивысшей эффективности в периоды кризисов. И наоборот, в спокойные, «сытые» времена, когда решающее значение приобретала проблема обеспечения наилучшей мотивации к труду, советская экономика начинала испытывать трудности. (Подробнее эти вопросы рассмотрены в книге¹⁸, сс. 125-135).

Итак, в форме военного коммунизма периода гражданской войны мы видим первое и наиболее полное воплощение принципов вульгарно-коммунистического способа производства. По сугубо внешним признакам, при наличии продразвёрстки в деревне и преобладании уравнительного распределения в городах, военный коммунизм мало чем отличался от марковского коммунизма. Однако недостаточная для коммунистического способа производства материально-техническая база делала его лишь вульгарной версией коммунизма.

В дальнейшем в «советском» способе производства были исключены самые крайние черты военного коммунизма, но суть всё так же определяла вульгаризация марковской идеи.

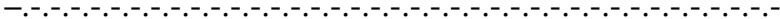
+++++

Вообще военный коммунизм – очень интересный этап истории нашей страны. В нём, хотя и в зародыше, но зато в наиболее чистом виде мы видим черты будущего советского социализма – как достоинства, так и пороки. Поэтому его анализ представляет особый интерес.

В возникновении военного коммунизма решающую роль сыграло совпадение двух составляющих – объективной необходимости усиления плановых и централизованных начал в экономике ради спасения страны и убеждённости большевиков в том, что эти преобразования представляют собой прямой путь к быстрому переустройству общества на коммунистических началах.

В тот период маятник социальной революции качнулся слишком резко влево. Затем, во времена нэпа наступила реакция – маятник ушёл далеко вправо. В конце концов, с окончательным утверждением «советского» способа производства маятник остановился, найдя равновесное положение, эпоха революций закончилась. В дальнейшем имело место эволюционное развитие «советского» способа производства.

На эту особенность развития социальных революций указывали классики. В качестве примера можно привести колебания маятника Английской буржуазной революции: Кромвель – Реставрация – «Славная революция» или Французской революции: якобинцы – Реставрация – Наполеон III.



Нэп

Негативные черты вульгарно-коммунистического способа производства проявились сразу же по окончании гражданской войны. Необходимость победы над белогвардейщиной, стремящейся к восстановлению старых порядков, заставила трудящихся примириться с продразвёрсткой, карточной системой и прочими «прелестями» военного коммунизма. Вульгарно-коммунистический способ производства в своей крайней форме военного коммунизма был незаменим для обеспечения равного доступа городского населения к скудным продовольственным ресурсам, но оказался неспособен наладить нормальную жизнь в мирной стране.

Крестьяне не были заинтересованы в увеличении производства сверх самого необходимого, так как «излишки» всё равно изымались. Посевные площади и производство продукции сокращались. Недовольство выливалось в прямые выступления против Советской власти – в начале 1921 г. не осталось ни одной губернии, не охваченной в той или иной степени «бандитизмом». Уровень промышленного производства скатился до 14% довоенного. Население промышленных центров снабжалось очень скудно. Неприятие политики военного коммунизма самыми широкими слоями населения, в том числе и рабочими, служило самым убедительным свидетельством её неадекватности задачам послевоен-

ного времени. Фактически страна вновь стояла перед необходимостью осуществления очередной революции: возможность «верхов» проводить старую политику была полностью исчерпана, «низы» больше не желали мириться с существующим положением.

И революция свершилась! Введение продналога, восстановление свободной рыночной торговли, частичная денационализация мелкой промышленности, поощрение госкапитализма и мелкой частной торговли, но при сохранении «командных высот» за государством, означало, по существу, утверждение *нового способа производства*, качественно отличного как от военного коммунизма, так и от капитализма. Одно только это обстоятельство заставляет нас рассматривать нэп как четвертую с начала века революцию, на этот раз мирную и бескровную. (Не забудем поблагодарить истмат!). Она стала такой потому, что отвечала интересам и чаяниям подавляющего большинства населения. Второй раз «поверив» народу, большевики сделали свою победу в гражданской войне окончательной и необратимой.

Синтетическая концепция стоимости не может нам сообщить, к сожалению, ничего определённого относительно содержания подлинно социалистического способа производства (см. книгу¹⁸, с. 155). Более того, она не исключает, что этого этапа в развитии общества не будет вовсе. Поэтому нельзя сказать, в какой мере нэп можно отнести к той или иной модели социализма. Во всяком случае, если вуль-

гарно-коммунистические черты и сохранялись, то они, безусловно, уже не преобладали и потому не определяли сущность способа производства. Поэтому можно констатировать, что по своему фактическому содержанию нэп выводил нашу страну за пределы развития по вульгарно-коммунистическому пути, хотя это был только первый шаг.

Для понимания сущности нэпа интересно проследить за *эволюцией* взглядов В.И. Ленина. Весной 1921 г. он, оставаясь в плену старых представлений, рассматривал нэп как нежелательное, но вынужденное обстоятельствами отступление с пути к «правильному», в духе классического марксизма, социализму. Причём отступление временное: уже весной 1922 г. на XI съезде партии Ленин объявил об окончании уступок и перегруппировке сил для нового наступления на «капиталистические» элементы. Однако великий диалектик Ленин не мог не считаться с данными практики. В январе 1923 г. в своей статье «О кооперации» он на основе переосмысления всего послеоктябрьского периода, в том числе позитивного опыта нэпа, выдвинул свой «кооперативный план», который вёл не к сворачиванию нэпа, а к его творческому развитию. Принципиально, что он распространил идею кооперации *и на промышленность*. (Этот факт замалчивался официальной наукой; тем самым сфера действия кооперативного плана сужалась, а его революционное содержание в значительной мере выхолащивалось). При анализе ленинского плана следует иметь в виду, что статус ко-

оперативов как независимых производителей подразумевает наличие рыночных отношений.

Таким образом, в самом конце своей активной политической деятельности Ленин фактически отступил от идеи о монопольном положении общенародной собственности при социализме. Это был первый этап восстановления в правах «синдикалистских» представлений о процессе обобществления (коллективизации), столь ярко проявившихся в ходе стихийной национализации 1917-1918 гг. (Сам Ленин считал стихийность движения «признаком его глубины в массах, прочности его корней»¹³).

Однако тезис о «коренной перемене всей нашей точке зрения на социализм» следует относить только к самому Владимиру Ильичу. Подавляющая часть партии, даже те, кто выступал за продолжение нэпа, остались на позициях весны 1921 г., продолжая рассматривать нэп как модель, ничего общего не имеющую с социализмом (как первой фазой коммунизма).

Индустриализация

В результате перехода к нэпу задача восстановления народного хозяйства была решена уже к 1926 г. Производство сельскохозяйственной продукции в 1925 г. составило 112%, промышленной – 75% довоенного уровня.

Однако СССР оставался отсталой аграрной страной, и эти успехи были достигнуты на старой технологической базе. Основу её составляли оставшиеся от царской России промышленные фонды. К середине 1920-х гг. возможность развития за счёт этого источника (имеется в виду «проедание старых запасов» – ничего не напоминает?) была полностью исчерпана. На повестку дня со всей остротой встала проблема индустриализации. И Советская власть со свойственной ей энергией взялась за дело.

+++++

Характерный, между прочим, момент. Ведь Советская власть прочно укрепилась в стране и могла бы ещё долго проводить политику, при которой рост экономики в 1,5% считается нормальным, а при 2,5% начинается безудержное самовосхваление и «головокружение от успехов». Нет, власть (да чего вилять, партия!) осознала великую проблему, стоящую перед страной, и не испугалась гигантских трудностей и грандиозности задачи. И всё это не ради до-

полнительных голосов на выборах и, уж конечно, не с целью приобретения недвижимости в разных там Лондонах. Наверное, навлеку на себя епитимью вкупе с анафемой, заранее посыпаю голову пеплом и пригвождаю себя к позорному столбу, но всё-таки посмею высказать неопишимо невероятное и чудовищно безумное предположение: может, всё дело в том, что Советская власть в самом деле выражала (долговременные) интересы народа, причём зачастую понимала их лучше самого народа?

Решение этой проблемы всецело зависело от получения необходимых для реконструкции промышленности ресурсов – продовольствия для снабжения постоянно растущей армии промышленных рабочих и валюты для закупок иностранного оборудования (главным источником валюты был экспорт всё той же аграрной продукции). Единственным доступным их источником было сельское хозяйство. Поэтому проблема индустриализации, как и задача борьбы с голодом в городах времён гражданской войны, упиралась в решение *главного* вопроса: каким образом получить у деревни необходимые для развития промышленности ресурсы?

«Правые» в ВКП(б), идеологом которых был Н.И. Бухарин, выступали за продолжение политики нэпа, то есть за экономические методы управления народным хозяйством на основе использования механизмов рынка. Согласно их логи-

ке, деревня нуждалась в товарах широкого потребления, в обмен на которые она была готова поставлять на рынок продовольствие. Поэтому их план предусматривал строительство в первую очередь текстильных и швейных фабрик, а не металлургических и машиностроительных заводов. Этот путь, в целом повторявший этапы становления промышленности в западных странах, предполагал медленный рост внутренних накоплений, необходимых для создания тяжёлой промышленности, и, соответственно, длительный срок индустриализации страны.

«Левые», в рядах которых объединились многие старые большевики, выступали за свёртывание нэпа. Они исходили из того, что экономическую независимость и обороноспособность СССР могла обеспечить только тяжёлая индустрия. Поэтому начинать надо было именно с неё. А в этом случае получение из деревни необходимых ресурсов в обмен на промышленные товары становилось невозможным.

Чтобы вырваться из заколдованного круга проблем нэпа, связанных с зависимостью развития промышленности от своевольного аграрного рынка, от желания или нежелания крестьян продавать излишки своей продукции, «левые» предлагали ряд мер *чрезвычайного* характера – усиление налогового пресса на крестьян и повышение цен на промышленную продукцию, поставляемую селу (увеличение «ножниц» цен). Путём искусственной перекачки средств из деревни в город «левые» рассчитывали форсировать темпы пе-

ревооружения промышленности. При этом они не скрывали, что предполагают осуществить реконструкцию промышленности за счёт сельского хозяйства и вопреки его интересам.

Колебания «генеральной линии» партии, олицетворяемой И.В. Сталиным и его сторонниками, отражали процесс поиска решения руководством страны. Сначала Сталин поддерживал бухаринскую программу. Предложения «левых» были отвергнуты, сами они подверглись окончательному политическому разгрому в конце 1927 г. Однако в апреле 1929 г. были разгромлены и «правые». Вслед за этим последовало обвальное крушение нэпа по всем направлениям. На смену рыночным методам управления окончательно пришло директивное централизованное планирование. Проблема внутренних накоплений – узловая проблема индустриализации – была решена путём фактического огосударствления аграрного сектора в результате коллективизации. Таким образом, была реализована программа, предлагавшаяся ранее «левыми», причём даже в более радикальном варианте.

+++++

Как мы видим, либеральная трактовка этого периода истории СССР как борьбы за власть Сталина сначала с Троцким, а затем с «правыми», правильно отражает видимость происходивших событий, но не помогает нам в постижении их сути. Да, Солнце восходит на востоке и заходит на западе, но что этот факт, взятый сам по себе, сообщает нам о

небесной механике? Либеральный муравей не видит дальше своего носа. Он **описывает** явления, не пытаясь постичь их логику. Иначе и быть не может, если вместо истмата универсальным ключом при анализе истории считается метод «свободы и демократии».

Борьба за власть имела место. Но движущей её силой была не жажда власти, а стремление реализовать ту программу развития страны, которая представлялась «борцам» наиболее правильной и единственно способной ответить на те грозные вызовы, которые стояли перед СССР.

Как бы то ни было, но программа индустриализации страны, перспективы которой казались туманными фантазиями «кремлёвских мечтателей» ещё в середине 1920-х гг., была осуществлена. Всего за несколько лет Советский Союз совершил рывок от старой крестьянской России, от телеги и сохи в промышленную эру. Были с нуля построены тысячи предприятий и десятки новых городов. Однако дело не только в количественном росте. Что не менее важно, было преодолено и качественное отставание отечественной промышленности. Появились отрасли, которые ранее отсутствовали, миллионы и миллионы людей были обучены неведомым им профессиям. СССР стал одной из трёх-четырёх стран, способных производить любой вид промышленной продукции, доступной человечеству.

+++++

1. *Предвоенный индустриальный прорыв, радикально преобразивший страну, был осуществлён всего за 12 лет (с мая 1929 г. по июнь 1941 г.). Отсчитайте назад от текущей даты 12 лет – и станут понятны **темп и масштаб** перемен.*

2. *Наивно сравнивать большевистскую индустриализацию с её невиданным, беспрецедентным размахом и нынешние «стратегию 2020» (уже забыли про неё, верно?), нанотехнологии, проект «Сколково» и энергосберегающие лампы (каюсь и извиняюсь за те изошрённые ругательства, которые я мысленно произнёс). Сравнить – только незаслуженно обижать большевиков.*

В результате осуществлённого в конце 1920-х гг. поворота в социально-экономической политике сложилась советская экономическая система, которая по основным признакам, за исключением степени использования товарно-денежных отношений, совпадала с военным коммунизмом. Её теоретическим источником являлся не ленинский кооперативный план, а классическая марксистская концепция социализма. Таким образом, объективное содержание указанного поворота составлял отход от нэпа и реставрация, «второе пришествие» вульгарно-коммунистического способа производства.

Индустриализация была осуществлена за счёт перехода от «нормальных» экономических методов к чрезвычайным. Подобное случается и в условиях капитализма, и не только во время войн. Например, на рубеже XIX и XX вв. в период технологической революции, суть которой составлял, в частности, переход от парового двигателя к электромотору, рыночные механизмы оказались неспособными обеспечить перераспределение ресурсов в новые развивающиеся отрасли. Задача была решена за счёт частичного нарушения действия механизмов рынка – использования госбюджета в качестве инвестиционного канала, развития отраслевых монополий, перерастания банковского капитала в финансовый¹⁴. При вульгарно-коммунистическом способе производства в условиях единой государственной монополии в сфере производства и финансов указанные средства были задействованы в максимальной, доведённой до логического предела степени. В этом заключался источник силы советской модели социализма, но одновременно здесь же таилась её слабость. (Сплошная диалектика, по Гегелю).

Насколько был оправдан возврат к чрезвычайным методам? Если бы у страны было не 10-12, а хотя бы 20-30 лет на проведение индустриализации и подготовку к войне, вероятно, именно нэп представлял бы собой оптимальный вариант развития. В конце этого пути мы имели бы совершенно другую страну. (Правда, непонятно, какую). Но у нас не было этого запаса времени. Поэтому, так же как и в 1917-1921 гг.,

при кажущейся многовариантности решений альтернативы фактически не было, любое другое решение вело к национальной катастрофе. И ответственная перед народом власть это прекрасно понимала.

На стройках индустриализации решался вопрос жизни и смерти нашего государства и народа. Поэтому индустриализация – это одно из самых грандиозных свершений «советского» (вульгарно-коммунистического) способа производства. Но чрезвычайные методы таят в себе опасность, так как они действенны в основном в кризисных ситуациях, а за их пределами – лишь в течение ограниченного периода времени и при наличии определённых условий.

Коллективизация сельского хозяйства

В соответствии с «Декретом о земле» вся земля была национализирована и передана в безвозмездное и вечное пользование крестьянам. Таким образом, крестьянин остался *независимым* от государства производителем. Это обстоятельство обусловило восстановление рыночного характера экономических отношений между городом и деревней после окончания гражданской войны.

С переходом к нэпу начался новый этап социального расслоения деревни. Этот процесс неизбежен в условиях товарной рыночной экономики – не зря Ленин так не любил «мелких хозяйчиков», которые «ежечасно плодят капитализм». В 1927 г. доля кулацких хозяйств составляла 4-5%, и они производили 20%, а вместе с зажиточными середняками до 30% товарного хлеба. Вместе с тем отнюдь не угроза капитализации деревни стала решающей причиной коллективизации. Очевидно, что форму и, главное, темпы преобразования аграрного сектора предопределила проблема индустриализации.

+++++

На примере коллективизации сельского хозяйства мы в

очередной раз убедимся, что причину резких поворотов истории СССР следует искать в области экономики, а не идеологии. Последняя призвана лишь обеспечивать теоретическое обоснование тем процессам, которые инициируются потребностями экономического развития.

Государству требовался всё больший объём сельскохозяйственной продукции, но ему не хватало товаров для обмена с крестьянами. Некоторое время удавалось компенсировать недостаток промышленных изделий, способных удовлетворить крестьянский спрос, за счёт механизма «ножниц» цен – искусственного завышения цен на поставляемые государством деревне товары. Однако результатом политики неэквивалентного обмена стала «хлебная стачка» 1927-1928 гг. – отказ зажиточного крестьянства продавать хлеб государству по твёрдым ценам. По сути, повторилась ситуация 1917-1918 гг.: в стране было достаточное количество хлеба, но государство не могло взять его обычными рыночными средствами. «Хлебная стачка» была кризисом монопольного рынка, на котором государство выступало в качестве монопольного покупателя, агрессивно стремящегося диктовать цены. План хлебозаготовок был всё-таки выполнен, но не путём поднятия цен на аграрную продукцию или демополизации рынка, а с помощью чрезвычайных мер в духе продовольственной диктатуры – повальных обысков, судебных ре-

прессий, реквизиций хлебных излишков и даже имущества крестьян, обвинённых в спекуляции. Тем самым впервые после гражданской войны был создан прецедент решения экономических проблем нерыночными, неэкономическими методами.

Тупиковый характер ситуации усугубляла низкая товарность сельскохозяйственного производства вследствие увеличения доли мелких крестьянских хозяйств. Крестьяне в целом стали питаться лучше, чем до революции, но они не могли *поставлять на рынок* значительные объёмы своей продукции – для этого требовалась более высокая производительность труда, достижимая только при крупнотоварном производстве. В 1926/27 хозяйственном году доля товарного (поступившего на рынок) хлеба составила только 630 млн. пудов вместо 1300 млн. пудов в 1913 г., то есть сократилась вдвое при одинаковом(!) валовом сборе. (До революции 72% товарного хлеба производили помещики и кулаки). По этой причине даже при самых благоприятных условиях государство всё равно не смогло бы получить необходимое для проведения программы индустриализации количество хлеба. Таким образом, уже к концу 1920-х гг. мелкое раздробленное крестьянское хозяйство достигло предела своего развития – с точки зрения *общегосударственных* интересов. Поэтому тенденция к его укрупнению и механизации носила объективный характер.

Выбор, сделанный руководством страны, подчинялся

жѳсткой логике. С одной стороны, с помощью рыночных методов государство не могло взять необходимое количество хлеба из деревни. С другой, пока лицо деревни определял независимый производитель, на неэкономические методы изъятия хлебных излишков крестьяне отвечали сокращением посевов и производства. Заблуждений на этот сѳѳт не было, поскольку ещѳ не был забыт опыт хлебной монополии и продразвѳрстки.

Ситуация требовала *неординарных* решений, и такое решение было найдено. Итогом кампании коллективизации стало огосударствление аграрного сектора экономики. Сельский производитель был лишен независимости и самостоятельности. Государственный контроль стал всеохватывающим, начиная от размера посевных площадей и кончая ценами на продукцию. В виде колхозно-совхозной системы государство получило *организационную структуру* для изъятия – прямого или путѳм неэквивалентного обмена – необходимых количеств сельскохозяйственной продукции. Только в рамках такой структуры оказалось возможным организовать перекачивание ресурсов из деревни в город на нужды реконструируемой промышленности. Таким образом, форма и темпы коллективизации отвечали интересам развития не сельского хозяйства, а промышленности. Программа индустриализации была выполнена за сѳѳт эксплуатации села.

Коллективизация по-сталински не имела ничего общего с кооперированием по-ленински. Ленин предполагал осуще-

ствить добровольный и постепенный переход к общественным формам земледелия только *после* модернизации промышленности. По его замыслу, промышленность должна поставлять селу не только мануфактуру и гвозди, но, прежде всего, сельскохозяйственные машины. В этом случае никакого принуждения не понадобится: крестьяне сами осознают выгоду крупного коллективного машинного сельскохозяйственного производства. В действительности к началу коллективизации объективные предпосылки для неё в виде достаточного уровня механизации аграрного сектора отсутствовали. Показательно, как такой, казалось бы, сугубо теоретический факт – несоответствие новых (коллективистских) производственных отношений существующему (примитивному) уровню развития производительных сил, преломившись в сознании людей, отразился в их поступках: не видя серьёзных преимуществ перехода к совместной обработке земли старыми средствами производства, крестьянство заняло крайне сдержанную позицию (читатель волен предложить другую формулировку) в отношении коллективизации. Поэтому весь процесс коллективизации прошёл в обстановке давления власти на крестьян. Принуждение силой – главное средство, которое использует любая власть для компенсации неадекватности способа производства (в данном случае речь идёт о вульгарно-коммунистическом способе производства).

Для идеологического обеспечения непопулярной кампа-

нии коллективизации требовалось внушить основной бедняцко-средняцкой массе образ врага в лице кулаков, воспринявших эту сталинскую инициативу как посягательство на свои экономические интересы. Другая цель раскулачивания состояла в формировании неделимого фонда колхозов за счёт экспроприированных у кулаков средств производства. Как известно, эти меры затронули и середняков.

Результатом стала насильственная ликвидация кулачества как «последнего эксплуататорского класса». Привычные идеологические обоснования процесса раскулачивания скрывают тот факт, что В.И. Ленин, основываясь на принципиальной марксистской позиции, последовательно выступал против экспроприации кулачества. Эти идеи были впоследствии учтены при проведении кооперирования в Восточной Европе. Таким образом, трагедия миллионов раскулаченных стала платой за *темпы*: коллективизацию сельского хозяйства пришлось проводить параллельно с индустриализацией, а не после неё.

Но были извращены не только методы проведения, но и сама сущность кооперации как добровольного объединения частных производителей. Нет необходимости доказывать отсутствие у колхозов статуса независимых производителей. Колхозник на практике был лишён почти всех прав собственника. Отсюда – психология наёмного работника у советского крестьянина, потеря им чувства хозяина земли. (Самосознание работника – основной критерий при идентифи-

кации способа производства). Длительное время прямо нарушался принцип материальной заинтересованности, вплоть до того, что крестьяне не получали положенного за заработанные трудодни. Отсутствие эффективных экономических стимулов к высокопроизводительному и качественному труду – самый точный признак неадекватности способа производства.

Таким образом, *сущность коллективизации* заключается в распространении вульгарно-коммунистического способа производства на аграрный сектор. Именно неадекватность вульгарно-коммунистических производственных отношений выступала в качестве главного тормоза развития сельского хозяйства СССР.

Вместе с тем опять следует указать на необходимость диалектического подхода к этому ключевому обстоятельству. Произошедший со временем переход к крупному машинному производству не только обеспечил конкурентоспособность советских колхозов по отношению к мелким фермерским хозяйствам (даже к мелким фермерам США – с учётом различия в природно-климатических условиях), но и изменил психологию крестьянина: лозунг «Земли и воли!» потерял свою актуальность. (Этим объясняется сопротивление крестьянства развернувшейся в начале 1990-х гг. кампании разрушения крупных хозяйств под флагом «фермеризации»). Однако колхозы так и не стали настоящими кооперативами – «коллективными хозяйствами». Поэтому, хотя ука-

занная неадекватность перестала быть столь ярко выраженной, как в начале процесса коллективизации, она сохраняла свое значение вплоть до гибели СССР.

+++++

1. Относительно эффективности советского сельскохозяйственного производства. «АгроГУЛАГ» снесли, «колхозное рабство» отменили, «красных помещиков» ликвидировали как класс, но в последующие 25-30 лет не могли превзойти достигнутые при СССР показатели. Хуже того, в 90-е гг. производство продукции откатилось на 30 лет назад, к уровню начала 1960-х гг. Посевные площади сократились, а поголовье коров вообще упало в три раза. Про состояние социальной сферы на селе говорить излишне – и так все знают. Только теперь, вроде бы, наметился сдвиг (изменение климата поспособствовало?). Но мы никогда не узнаем ответа на вопрос: а какой скачок совершил бы аграрный сектор СССР за прошедшие десятилетия? За 6(!) с лишним пятилеток? Сколько «Продовольственных программ» было бы выполнено?

2. Небольшое отступление. Разрушение колхозно-совхозной системы происходило под лозунгом «Фермер накормит страну!». Лозунг, надо признать, хлётский. Он пронзал насквозь желудочно-кишечный тракт среднего советского обывателя, страстно желавшего откушать все 40 сортов колбасы. Вообще революции и контрреволюции совершают-

ся не с помощью партийных программ, оружием партий выступают их лозунги. Кто в 1917 г. читал программу РСДРП(б)? Но лозунги большевиков, отражавшие чаяния народных масс (и собственную партийную программу, конечно), позволили им в конце концов захватить власть.

Следует пояснить, что фермер, использующий наёмный труд – это, по старому, кулак (без обид, читайте выше про двойственную природу крестьянина). Страну он не накормил (и не мог накормить), но кто сейчас помнит о лозунге, с помощью которого разрушали Державу? Страну, между тем, как и раньше, кормят крупные(!) сельхозпроизводители, только теперь в рамках другой системы хозяйствования. Во всяком случае, если бы с самого начала выдвинули лозунг «Крупные капиталистические агрохолдинги и поставщики импортных продуктов накормят страну!», было бы честнее. Да и страна, не исключено, осталась бы жива, кто знает?

Советская экономическая система

В результате процессов, инициированных проблемой индустриализации, в СССР окончательно утвердился вульгарно-коммунистический («советский») способ производства (официально считавшийся и называвшийся социалистическим).

Тотальное обобществление средств производства в общенародной форме однозначно предопределило плановый и централизованный характер экономики СССР. Народное хозяйство представляло собой, по сути, гигантскую монополию, разросшуюся до размеров государства. Плановый характер производства позволил устранить присущую рыночной экономике цикличность развития. Преимущества, которые предоставляют предельные уровни централизации и концентрации производства, недостижимые в условиях рынка, также использовались в максимальной степени. Плановая экономика исключала как избыточное производство, так и хроническую недогрузку мощностей, а также затраты материальных и трудовых ресурсов на выполнение многочисленных посреднических функций – неизбежных спутников рынка.

+++++

Вопрос: насколько эффективной можно считать ры-

ночную экономику, нормальное функционирование которой требует наличия несметного числа офисных сотрудников, охранников, юристов, экономистов и прочих (действительно!) незаменимых работников?

Следствием монопольного положения государства в экономической сфере были огромные, уникальные мобилизационные возможности системы, то есть способность изымать ресурсы у производителей и населения (в том числе, путём ограничения потребления), концентрировать их и направлять в приоритетные области развития.

Эти безусловные преимущества советской экономической системы наиболее ярко проявлялись в периоды кризисов. Великая Отечественная война стала её триумфом. Победа СССР была во многом обеспечена способностью системы мобилизовывать имеющиеся ресурсы и использовать их результативнее, чем обладавшая потенциалом почти всей Европы Германия.

+++++

Русофобы и антисоветчики в своём обличительном раже, в желании всеми способами охаять СССР, не дать ему ни малейшей возможности на историческое оправдание не пощадили даже Великую Победу. Они утверждают, что мы победили Германию потому, что «завалили немецкие тран-

шей трупами наших солдат». Вместе с тем министерство обороны (не СССР, а нынешней РФ!) в 2010 г. **документально** доказало, что соотношение боевых потерь СССР (8,668 млн. чел., включая не вернувшихся из плена) и Германии (около 6 млн. чел.) и её союзников (806 тыс. чел.) составило 1,3:1. Это отношение не превышает среднестатистического соотношения боевых потерь победившей и проигравшей сторон, подсчитанное по данным большинства крупных войн XIX-XX вв.

Но дело даже не в этом. На самом деле СССР «забросал немецкие траншеи» лучшими в мире танками, самыми современными (для того времени) самолётами, а артиллерия, даже без учёта «Катюш», у нас была великолепной с самого начала войны. Сухие цифры лучше всего описывают **подвиг**, совершённый «советским» способом производства. В 1941 г. население Германии, включая сателлитов и оккупированные страны, составляло 290 млн. чел., она выплавляла 31,8 млн. т стали и добывала 439 млн. т угля. Соответствующие показатели СССР в 1940 г. – 194 млн. чел. (0,67:1), 18 млн. т (0,57:1), 166 млн. т (0,38:1). При этом следует учесть, что в 1941-1942 гг. была оккупирована территория, где до войны проживало 42% населения, производилась 1/3 валовой продукции (58% стали, 63% угля), находилось более 45% посевных площадей. И вот в этих условиях, при таком соотношении экономических потенциалов Советская власть не только выстояла, но и победила!! (Теперь понят-

но, что «подвиг» – это не преувеличение?).

В восточные районы страны в июле-ноябре 1941 г. было перебазировано 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 крупных. СССР был (и останется теперь, видимо, навсегда) единственной страной, способной осуществить столь масштабное перемещение материальных ценностей и средств производства. (А была ещё эвакуация 1942-го года!). **Это** (наряду с проведенной вовремя и в сжатые сроки индустриализацией) и **спасло страну**. Во второй половине 1942 г. военная промышленность заработала на полную мощность. За период войны советская промышленность произвела 95100 танков и САУ против 53800 у Германии (1,77:1), 108000 боевых самолётов против 78900 (1,37:1), 188000 артиллерийских орудий против 102000 (1,84:1). Вот чем мы «забросали» Германию! (Ссылка на ленд-лиз не изменяет сделанного вывода: хребёт немецкой военной мощи переломил советский экономический «лом». Тем более, что львиная доля поставок по ленд-лизу поступила в последние 1,5-2 года войны).

И это при том, что на Германию усиленно работали металлургические предприятия Бельгии, Лотарингии и Люксембурга, автомобили для армии поставляли заводы «Рено», танки «Тигр» делали братья-славяне на чехословацком заводе «Шкода», артиллерийские орудия производились практически во всех оккупированных и союзных странах. Против СССР работала военная промышленность Италии, Венгрии,

Румынии, Финляндии, захваченных немцами Франции, Австрии и стран Бенилюкса. Даже Польша и Словакия вносили свой вклад. По сути, в войне против СССР принимал участие весь нынешний Евросоюз.

Несмотря на это, с конца 1942 г. Германия (вкуне с остальной Европой) была обречена на поражение. Причём не по причине меньшего экономического потенциала (как раз наоборот, соотношение было противоположным! – См. выше), а потому, что Советский Союз имел лучшую, крайне эффективную для выполнения «неподъёмных» задач **организацию** экономики. Поразительный, вызывающий недоверие, но вместе с тем, «клинический» факт: хотя СССР в период войны производил стали примерно втрое(!) меньше, чем Германия и оккупированные ею страны, он сумел преодолеть её по выпуску военной продукции. Причина – в огромных мобилизационных возможностях плановой централизованной экономики («Всё для фронта, всё для Победы!») и способности Коммунистической партии использовать эти возможности и организовать народ на решение задач самой запредельной сложности. (В книге¹⁸ на сс. 133-134 показано, что и в условиях мирного времени советский ВПК по эффективности превосходил зарубежные). Партия и правительство решили, что мы должны произвести вооружения больше почти всей Европы, и политическая система во главе с ВКП(б) провела это решение в жизнь, а плановая система хозяйства за счёт перераспределения производствен-

ных мощностей, перестройки всей экономики на военный лад позволила обеспечить достижение этого результата.

Остаётся констатировать: в Великой Отечественной войне «советский» способ производства одержал полную и безоговорочную победу над рыночной капиталистической экономикой Европы, которой даже фашистский диктат не придал бóльшую эффективность. (В области экономики фашизм явился предтечей послевоенного государственно-монополистического капитализма).

Если мы захотим перечислить главные причины нашей победы и расставить их в порядке приоритета, список, как представляется, должен быть таким: 1. «Советский» способ производства (не забудем и про индустриализацию!). 2. Организационная и идеологическая роль Коммунистической партии (не только во время войны, но и до неё). 3. Патриотизм народа и советский патриотизм той его части, которая была впереди и на фронте, и в тылу.

Но уже первые попытки реформ, предпринятые Н.С. Хрущёвым, свидетельствовали о наличии проблем в нашей экономике. Первоисточником их был, конечно, «советский» (вульгарно-коммунистический) способ производства. Его системные недостатки, в полном соответствии с принципами диалектики, являлись продолжением, обратной стороной его достоинств. (Подробнее см. книгу¹⁸, сс. 125-135).

«Выдающиеся» и не очень экономисты составили длинный перечень частных недостатков советской экономической модели, начиная от дефицита туалетной бумаги и заканчивая пресловутой административно-командной системой. Конечно, перечисление пунктов этого списка не заменит содержательного политэкономического анализа советского социализма, но следует отдельно выделить два его принципиальных порока, носящих *непреодолимый* характер. Их разрушительное воздействие на экономику трудно переоценить.

Первый принципиальный порок плановой централизованной экономики, который следует обязательно выделить, вытекает из объективно существующего противоречия между интересами производителя и общества. Так, при капитализме непосредственной целью предпринимателя является отнюдь не удовлетворение потребностей людей, а извлечение максимальной прибыли. И лишь конкуренция служит тем механизмом, который заставляет производителей стремиться к наиболее полному удовлетворению запросов потребителей.

Аналогичное противоречие имело место и у нас: целью предприятия было выполнение плановых показателей вне прямой связи с обеспечением нужд потребителей. Однако при отсутствии конкуренции действенный механизм увязки интересов производителей и потребителей у нас отсутствовал. Несмотря на принимавшиеся усилия, социалистическое соревнование так и осталось эрзацем, неполноценным заме-

нителем конкуренции. Жёсткая и мелочная регламентация абсолютно всех сторон деятельности предприятия, бывшая объективной необходимостью(!) для советской экономической системы, также не могла сравниться с конкуренцией по эффективности стимулирования повышения качества, обновления ассортимента и экономии ресурсов.

Если признать вслед за Марксом, что «интересы движут человечество», можно представить масштаб разрушительного воздействия указанного противоречия на общественное производство. В «чёрную дыру» между декларируемой (удовлетворение потребностей граждан) и фактической (выполнение плановых показателей) целями производства «проваливались» огромные ресурсы и труд миллионов людей. Отсутствие у предприятий экономической заинтересованности в обновлении оборудования являлось главным тормозом научно-технического прогресса и способствовало технологическому отставанию СССР от Запада. Низкое качество и недостаточный ассортимент потребительских товаров приводили к обострению проблемы товарного дефицита и провоцировали социальную напряжённость в обществе.

Второй (из обсуждаемых здесь) фундаментальный недостаток плановой централизованной экономики – её неспособность выработать действенные *экономические* стимулы к высокопроизводительному труду. Этот недостаток являлся следствием того факта, что основополагающий принцип социализма – распределение по труду – так и не был (и не

мог быть) полностью реализован на практике. (Если бы существовала возможность его полной реализации, наша экономическая система не знала бы себе равных по эффективности).

Выше отмечено, что принцип распределения по труду неосуществим при любом способе производства, поскольку отсутствует механизм определения справедливой цены затрат труда. В советской экономике ситуация усугублялась двумя обстоятельствами.

Прежде всего, вследствие монопольного положения государства в качестве работодателя стоимость рабочей силы формировалась не в результате действия механизмов рынка, а под влиянием идеологических мотивов и целей социальной политики. Многочисленные формальные показатели – тарифный разряд, норма выработки, стаж и т. п. лишь частично отражали различия в количестве и, главное, качестве труда. Жёсткая фиксированность тарифной ставки изначально содержала в себе элемент уравнительного распределения. Действительно, каким способом можно объективно измерить инициативу, творческий подход, деловые качества? Как измерить качество труда управленца, учёного или инженера? Очевидно, способ *объективного* измерения количества и качества труда отсутствует.

+++++

К слову, вряд ли многие из нас задумывались в своё время

над тем, что неотъемлемо присущие советской экономике «прокрустово ложе» тарифной системы, необъяснимые логикой ограничения оплаты труда, запрет мелкого предпринимательства даже в сфере услуг не являлись проявлениями глупости и злокозненности КПСС, а происходили из постулируемого теорией принципа распределения по труду.

Существовало и второе препятствие. Согласно синтетической концепции, стоимость затрат рабочей силы включает в себя субъективную оценку результата этих затрат со стороны работодателя (см. книгу¹⁸, с. 86). Но советская экономическая система в принципе исключала субъективный подход при оценке труда. В ней отсутствовал отработанный механизм, позволяющий поощрить то, что не поддаётся точному объективному измерению. Естественным следствием такого положения могло быть только нивелирование индивидуальных различий в количестве и качестве труда и полууравнительное распределение.

+++++

Капиталист, между тем, в полной мере старается использовать субъективный фактор при оценке результата затрат труда. Если забыть на время о паразитическом потреблении в буржуазном обществе (см. книгу¹⁸, с. 116), можно прийти к парадоксальному выводу, что современный

капитализм в большей мере воплотил принцип распределения по труду, чем социализм советского типа.

Как следствие, для советской экономической системы была характерна неостребованность личной инициативы – самый принципиальный её недостаток. В частности, в ней совершенно в недостаточной мере была задействована предпринимательская способность – один из важнейших экономических ресурсов общества. В этом также состояло тормозящее влияние вульгарно-коммунистического способа распределения на развитие производительных сил.

Человеческий фактор

В конечном счёте эффективность того или иного способа производства определяется полнотой использования человеческого потенциала. В предыдущем параграфе отмечено, что «советский» способ производства продемонстрировал неспособность выработать действенные экономические стимулы к высокопроизводительному труду. Как тогда объяснить тот факт, что в отдельные периоды экономика СССР демонстрировала беспрецедентные темпы развития? Разгадка заключается в существовании *неэкономических* стимулов к труду.

В их основе лежала коммунистическая идеология. Н.М. Карамзин утверждал, что «вера есть особенная сила государственная»¹⁶. Вера в коммунистические и патриотические идеалы – справедливое устройство общества, будущую счастливую жизнь в великой стране занимала значительное место в сознании советских людей, хотя многие, возможно, и не отдавали себе в этом отчёта. Коммунистическое общество по самой своей сути является обществом солидарного типа, объединяющим, а не разъединяющим людей. Это нашло свое отражение в *солидарном характере труда*. Впервые в истории в качестве побудительного мотива к труду выступало не только стремление удовлетворить личные ко-

рыстные интересы, но и дело строительства Великого Общества и Великой Страны (общие, солидарные интересы). Люди связывали надежды на своё личное благополучие и будущее своих детей с могуществом и процветанием своей Родины – СССР. Необходимой предпосылкой подобной мотивации к труду служило равное отношение всех граждан к средствам производства.

Солидарный характер труда объясняет такое беспрецедентное явление, как трудовой энтузиазм (масштаб его проявления на низовом уровне был гораздо шире, чем принято считать). В отдельные периоды советские люди продемонстрировали наивысшую в мире самоотдачу физических и творческих сил. Они были готовы терпеть любые лишения, вдохновлённые идеей построения справедливого общества. Наши великие предшественники жили и работали ради будущего, жертвуя настоящим.

В буржуазном обществе малейшее посягательство со стороны капиталистов на права трудящихся и отклонение от справедливого (с точки зрения работников) уровня оплаты труда вызывает протест. В СССР народ длительное время жил очень небогато (скорее, бедно), но забастовки были крайне редким явлением. И вовсе не из-за страха репрессий – когда временами власть в центре или на местах «зарывалась», протест в той или иной форме возникал. Народ терпел потому, что Советская власть сумела выдвинуть цели, ради достижения которых можно было сносить лишения. Эти це-

ли носили солидарный, а не индивидуальный характер, поэтому они объединяли народ и власть.

Система неэкономических стимулов к труду, в основе которой лежал солидарный характер труда, длительное время компенсировала неадекватность существовавшего способа производства. К. Маркс снова оказался прав: даже вульгаризованная идея коммунизма, овладев массами, превратилась в материальную силу, да ещё какую! Капитализм не создал и в принципе не способен создать ничего похожего на духовный подъём народа, характерный для 1930-1950-х гг.

+++++

Каждый способ производства создаёт и воспроизводит тот тип человека, который необходим ему для обеспечения его функционирования. «Советский» способ производства также нуждался в определённом типе трудящегося, индивидуалист с рыночной психологией не смог бы обеспечить его существование. Вся система Советской власти, политика государства были направлены на воспитание не потребителя, а гражданина, советским людям прививались не толерантность с политкорректностью, а патриотизм. В качестве ориентира социального поведения пропагандировался не индивидуализм, а коллективизм, подразумевающий приоритет общественных интересов над личными, бескорыстное служение своему народу, своей стране. При этом никто не препятствовал раскрытию творческого потенци-

ала каждой личности, если это не ставило под угрозу устойчивость коммунистической идеологии. Социальное давление коллективистской идеологии на индивидуальную психологию было столь сильным, что индивидуалисты были вынуждены мимикрировать под коллективистов. (Нынешние оголтелые антикоммунисты – в большинстве своём бывшие правоверные коммунисты. Эта их зачастую непоказная(!) правоверность была способом для индивидуалистов выжить в коллективистском обществе). Таким образом экономическая система «выковывала» требуемый ей человеческий материал.

В подтверждение этих тезисов можно сослаться на Н. Бердяева, который считал, что индустриализацию в СССР можно было осуществить, лишь создав такое общественное явление, как массовый трудовой энтузиазм. Он полагал, что для индустриализации было необходимо, чтобы появился новый человек, с коллективистской психологией и новой, невозможной при капитализме, мотивацией к труду. Бердяев пришёл к выводу, что в результате целенаправленной политики Советской власти и Коммунистической партии в СССР выросло поколение молодёжи, которое понимало задачу экономического развития страны **не как личный интерес, а как социальное служение**.

Но в этом же заключалась и слабость вульгарно-коммуни-

стического способа производства: для своего эффективно-го функционирования он требовал определённой, специфической трудовой психологии и массового трудового энтузиазма. (Это обстоятельство должно предостеречь от попыток воспроизвести старую экономическую систему в новых исторических условиях). Но вера в «светлое будущее» не может эксплуатироваться бесконечно. Постепенно происходило становление нового типа личности с иной, чем прежде, иерархией ценностей. С развитием общественного производства возникали и росли новые материальные потребности людей в автомобилях, дачах, дорогой электронике, модных вещах. Советская экономика по ряду причин не могла в должной мере удовлетворить растущие потребительские запросы граждан, что вызывало социальную напряжённость в обществе и снижало стимулы к труду. Коммунистические идеалы постепенно отступали под натиском индивидуализма и цинизма – бытие определяло сознание. По мере того, как труд терял солидарный характер, советская экономика стала проигрывать обновленному капитализму. Дальнейшее известно: потеряв веру, мы потеряли всё.

+++++

Общественное бытие определяет общественное сознание – этот универсальный закон истмата действовал и в СССР. Уровень развития и характер существовавших производительных сил объективно требовали других, не вульгар-

но-коммунистических, производственных отношений. Общественное бытие определялось тем фактом, что далёкая от воплощения коммунистических идеалов экономическая и социальная реальность вступала в противоречие с существовавшим в стране вульгарно-коммунистическим способом производства. Это «раздвоение» общественного бытия предопределяло «раздвоение» общественного и индивидуального сознания. В эпоху побед преобладали идеалы, но с каждым последующим поколением «разлом» в сознании увеличивался.

Период крушения СССР, для которого был характерен небывалый всплеск частнособственнических инстинктов, демонстративный разрыв с прежними моральными и нравственными нормами можно рассматривать как **бунт индивидуалистов в коллективистской стране**. Прежде гонимые, отторгаемые обществом эгоисты и эгоцентристы захватили сначала информационную, затем политическую и, в конце концов, экономическую власть. Но их бунту предшествовала победа индивидуализма над коллективистскими идеалами в сознании значительной части советских граждан.

Тоталитаризм

Массовые политические репрессии 1930-1950-х гг., потрясающие своей кажущейся иррациональностью едва ли не в большей степени, чем кровавым итогом, – самая загадочная страница истории СССР. Не потому, что неизвестны факты, а потому, что до сих пор не проанализированы причины.

Самое ходовое объяснение сводится к тому, что репрессии явились следствием тоталитарного характера советского общества, причём тоталитаризм объявляется неотъемлемым атрибутом социализма. На этом либеральные демократы в силу ограниченности своего буржуазного мировоззрения заканчивают анализ. На самом деле это только самое начало пути, в конце которого мы обнаружим самую глубинную, фундаментальную причину массовых политических репрессий.

Главный признак тоталитарной политической системы – *полное господство государства над обществом и индивидом*. В этом заключается её отличие от обычного авторитарного (недемократического) режима, который стремится добиться лишь пассивного повиновения и внешней покорности граждан, не претендуя на полный контроль над их внутренним духовным миром.

Авторитарный режим, как правило, противостоит основ-

ной массе граждан (а граждане противостоят ему). Однако в некоторых случаях выдвигаемая им религиозная, национальная или социальная идея получает поддержку большинства населения. *Наличие массовой социальной базы* может радикальным образом изменить характер режима и создать предпосылки для его перехода в тоталитарную стадию. (Если Муссолини и Гитлер не получили бы поддержки подавляющего большинства народа, они, скорее всего, остались бы в истории банальными главами авторитарных правительств). В последнем случае власть активно вторгается в духовный мир индивида и пытается поставить под контроль даже мысли и чувства человека. Происходят монополизация власти в руках одной политической партии, сращивание политических и государственных структур. Общество теряет плюралистический характер. Самые малейшие отклонения от «генеральной линии» пресекаются и преследуются. Идеология правящей партии официально становится государственной. В её рамках формулируется цель, в достижении которой едины народ и власть. Формируется «образ врага» (мировой буржуазии, иностранцев или иноверцев). Однако самым характерным признаком тоталитаризма является не столько безраздельное господство одной идеологии, сколько *нетерпимое отношение к любой другой, к инакомыслию вообще.*

+++++

Собственно говоря, тоталитарные проявления присут-

ствуют в любом обществе, даже в оплотах буржуазной демократии. Когда они – при наличии необходимых предпосылок – распространяются настолько, что изменяют характер политической системы в государстве, возникает тоталитаризм.

Сам термин придумал Муссолини, но тоталитаризм существует, вероятно, столько же, сколько существует государство. В прежние времена он чаще всего имел религиозную основу – вспомним инквизицию в Испании, диктатуру Савонаролы во Флоренции, теократические государства Востока. Да и сейчас в тех странах, где сильны позиции религии, действуют сильные тоталитарные тенденции.

Исходя из этих критериев, приходится (помимо своего желания, но подчиняясь логике объективного научного анализа) согласиться с антисоветчиками и признать тоталитарный характер советской политической системы. Действительно, неотступный контроль государственной машины над жизнью и даже мыслями советских граждан и, главное, её нацеленность на преследование всякого инакомыслия, малейшего отклонения от официальных догм – верные признаки тоталитаризма.

Причина установления авторитарных режимов – несоответствие тех или иных сторон существующей политической или экономической системы реалиям жизни и стихий-

ным представлениям граждан о рациональном устройстве общества. Например, буржуазия, сталкиваясь с проблемами, неразрешимыми обычными демократическими методами, ищет выход в установлении диктатуры. В XX в. буржуазная диктатура была распространена не менее широко, чем буржуазная демократия. (Перед Второй мировой войной только в 11-ти европейских странах из 28-ми действовали демократические конституции). При определённых условиях буржуазные авторитарные режимы могут эволюционировать в тоталитарные. Авторитаризм и тоталитаризм – это защитная силовая реакция системы на её (системы) неадекватность.

В рамках этой логики очевидно, что *причиной тоталитаризма в СССР стала неадекватность вульгарно-коммунистического способа производства реалитам XX в.* Существовавшая *экономическая диктатура* проявлялась, в частности, в запрете – не по экономическим, а по идеологическим мотивам – частной собственности и предпринимательства. Масштаб связанных с этим ограничений экономических свобод граждан стал ясен только теперь. Сковывающие инициативу ограничения были наложены на работу по совместительству, размер оплаты труда. Административно-командная система, вопреки очевидной хозяйственной целесообразности, ставила преграды деловой активности руководителей предприятий. Государственная политика по отношению к деревне длительное время также имела ярко выра-

женные признаки экономической диктатуры.

Экономическая диктатура неизбежно отражалась и в политической сфере, вела к ограничению политических прав и свобод граждан. Неадекватность способа производства не могла не осознаваться людьми, в основном, конечно, на уровне обыденного сознания. Многочисленные идеологические запреты не могли не вступать в острое противоречие с обычным здравым смыслом рядовых граждан. Уравниловка, ограничения экономической и политической свободы, вопиющая бесхозяйственность (как следствие отсутствия у трудящихся реальных прав и чувства собственника) являлись объективной основой для проявления инакомыслия в широких народных массах. Причём любые сомнения в правильности политики партии и государства могли привести к снижению моральных стимулов, поставить под угрозу солидарный характер труда и тем самым подорвать основные механизмы существовавшего способа производства. Руководство страны понимало, что успешное функционирование советской экономической системы невозможно без достижения единomyслия в обществе, путь к которому пролегал через монополизацию всех каналов информации, ограничение контактов с внешним миром и подавление всякого инакомыслия, то есть придание политической системе тоталитарной направленности.

Тоталитаризм является обязательной, но не единственной предпосылкой возникновения массовых политических ре-

прессий. Они стали возможны только в конкретных исторических условиях. Их возникновению способствовали объективные трудности строительства социализма в отсталой аграрной стране, усугубляемые невозможностью быстро изменить мировоззрение широких слоёв населения. Противостояние могущественному и враждебному капиталистическому окружению рождало синдром «осаждённой крепости». Положение объективно требовало идейного сплочения народа и железной дисциплины. Сыграли свою роль непримиримая борьба за власть в партии и государстве и, наконец, известные личные качества И.В. Сталина¹⁷. С течением времени условия изменились, и, хотя тоталитарный характер системы сохранился, угроза возобновления репрессий, между тем, исчезла.

Поскольку инакомыслие в различных формах, но в большинстве случаев весьма далёких от идейного антикоммунизма, было достаточно распространённым явлением, это предопределило массовость репрессий. Их логика очевидна: устранялись прежде всего обладающие способностью независимого суждения, критического восприятия действительности. Не случайно первой жертвой стала старая («буржуазная») интеллигенция. Затем настала очередь крестьянства, которое в силу своего природного скепсиса никак не могло поверить в эффективность новых производственных отношений. То, что следующей под каток репрессий попала сама правящая партия, подтверждает их направленность не про-

тив классовых врагов, а против инакомыслия вообще: ведь партия объединяла самую политически активную, а следовательно, потенциально самую опасную часть общества. Причём, поскольку истинную причину инакомыслия ликвидировать было невозможно, механизм поиска и устранения «врагов народа» оказался самовоспроизводящимся, он приобрёл определённую автономность, в том числе, независимость от наличия самих «врагов».

Итак, в силу своей неадекватности реальным экономическим условиям, производительным силам XX в. советская модель «социализма» (вульгарного коммунизма) могла функционировать исключительно в рамках тоталитарной политической системы. (Результаты периода «гласности» подтверждают этот вывод). Предпринятая попытка достичь объективно неосуществимой цели – построения общества и способа производства коммунистического типа при недостаточном для реализации этой цели уровне развития производительных сил – потребовала применения крайних средств принуждения. Таким образом, форма существовавшего политического режима отражала реальные экономические и социальные противоречия советского общества. Но если бы удалось найти условия, соответствующие подлинному социализму (а не его вульгарно-коммунистической версии), создать предпосылки для наиболее полной реализации каждым человеком своего творческого и трудового потенциала, «цивилизованным» государствам Запада, а не СССР

пришлось бы защищать свою систему авторитарными и тоталитарными методами. Отсюда становится понятным историческое место сталинизма: по отношению к подлинному социализму он занимает такое же положение, как буржуазная диктатура по отношению к буржуазной демократии.

+++++

*Объективный анализ истории СССР заставляет нас признать тоталитарный характер его политической системы. Он являлся прямым и неизбежным(!) следствием вульгарно-коммунистического способа производства. (Ещё раз отметим эвристическую ценность метода исторического материализма). Однако в отношении **массовых** политических репрессий эта связь отсутствует. Причины их возникновения носят конкретно-исторический характер и не связаны напрямую с существовавшим способом производства.*

*Ни одна тоталитарная система не обходится без репрессий, приводящих к личным трагедиям отдельных людей. Но они не обязательно должны принимать **массовый** характер. Массовые репрессии становятся трагедией всего народа.*

Вероятно, можно признать, что ситуация объективно требовала борьбы с инакомыслием и ограничения свобод. Политические репрессии стали той ценой, которую пришлось заплатить за преимущества «советского» способа производства, которому мы, в конечном счёте, обязаны ин-

дустриализацией, преобразованием сельского хозяйства, созданием мощной экономики и спасением народа от уничтожения в противостоянии со смертельным врагом.

*Всё дело в том, что **цена** оказалась **очень высокой**. Особенно для людей, лично затронутых репрессиями, часто необоснованными.*

Таким образом, политэкономический анализ «советского» способа производства позволяет объяснить парадокс нашей истории: почему, построив общество социального равенства, мы лишились многих свобод?

Реформы и реформаторы

Условием выживания вульгарно-коммунистического способа производства было наличие солидарного характера труда и, в более широком плане, – атмосферы духовного подъёма. В Великой Отечественной войне советское общество, целенаправленно прививавшее своим гражданам идеалы коллективизма и социальной справедливости, одержало не только военную, но и моральную победу над обществом воинствующего индивидуализма и волчьих законов. Надежда на лучшую жизнь и питаемый ею социальный оптимизм создали особую – послепобедную – общественную атмосферу, для которой были характерны эмоциональный подъём народа и радость мирного труда. Источником духовного пафоса послевоенных лет была вера народа в скорое наступление «счастливого будущего». И люди своим трудом старались приблизить это время, закладывая на «великих стройках коммунизма» основы могущества державы. Однако в обычных, неэкстремальных условиях мирного времени всё более рельефно стали проявляться пороки экономической системы, все её беды, связанные, в том числе, с нерешённостью проблемы экономической обособленности предприятий и недостаточным стимулированием эффективности труда. Это обстоятельство послужило объективной основой для попыток реформирования советской экономической си-

стемы.

Сущность экономических преобразований Н.С. Хрущева заключалась главным образом в реформировании структур *управления*. Реформы А.Н. Косыгина затрагивали более глубокие слои общественного производства. По сути, была предпринята попытка внедрения отдельных элементов рыночной экономики для повышения эффективности работы предприятий и стимулирования труда. Однако при этом не учитывалось, что ещё одним *условием функционирования и сохранения советской экономической системы была её целостность*, то есть нерушимость монопольного положения государства во всей социально-экономической сфере и даже за её пределами. Поэтому действия, не логичные для экономической системы, нарушающие её целостность, могли вести только к расстройству отлаженного механизма, а в перспективе и к гибели системы. Этим объясняется та невероятная сила, с которой вульгарно-коммунистический способ производства (в лице различных управленческих структур) неизменно отторгал любые полурыночные новшества, в том числе и хозрасчёт – *idée fixe* советской экономической теории.

С этой точки зрения плановая централизованная экономика действительно была неререформируема. Но речь должна была идти не о реформе способа производства, а о его смене. Возврат к вульгарному коммунизму ради решения проблемы индустриализации был единственно верным. Но методы,

чрезвычайные по своей сути и действенные лишь при наличии определённых условий, стали *нормой* для советской экономической системы. Ошибка заключалась в непонимании существовавшей неадекватности способа производства *долговременным* задачам развития советского общества. Выход заключался в своевременном повторении ленинского маневра 1921 года. (Аналогичная по содержанию попытка поворота была предпринята в Югославии начиная с 1950 г., но она по ряду причин закончилась неудачей. Вместе с тем опыт Китая подтверждает принципиальную возможность развития по этому пути).

+++++

Следует ещё раз повторить, что к тезису о неадекватности вульгарно-коммунистического способа производства существовавшим производительным силам следует подходить диалектически. Этот способ производства (в форме военного коммунизма) позволил избежать голода в период гражданской войны. (В возникновении голода в Поволжье после перехода к нэпу главную роль сыграли климатические факторы, и лишь в малой степени он может быть отнесён на счёт сокращения посевных площадей). Ему (в форме «советского» способа производства) мы обязаны не просто мировым рекордом скорости индустриализации, но и созданием могучей промышленности и передовой науки. Плодами этих свершений мы пользуемся до сих пор. Советская

экономическая система была важнейшим фактором победы в войне, лишь благодаря ей мы сейчас живём в свободной стране и вообще живём. Вплоть до конца 1950-х гг. или даже до конца 1960-х гг. неадекватность способа производства компенсировалась солидарным характером труда, поэтому в целом страна развивалась по восходящей. Неадекватность в полной мере проявилась позже, с приходом новых поколений, далёких от идеалов романтического коммунизма своих предшественников.

Однако все эти обстоятельства не были осознаны партийным и государственным руководством. Поэтому продолжались попытки лечения внешних симптомов болезни – снижения темпов роста народного хозяйства, невосприимчивости его к научно-техническим достижениям, хронического отставания сельского хозяйства и т. п., тогда как фундаментальная причина оставалась нераскрытой.

В конце XX в. развитие мировой экономики стали определять не экстенсивные, а интенсивные факторы роста, связанные со способностью обеспечить научно-технический прогресс и наиболее полно задействовать «человеческий фактор». Советская система, сотворившая не одно «экономическое чудо» в условиях войн и кризисов, перестала отвечать духу времени. Необходимость реформ стала осознаваться всем обществом, а не только правящей элитой.

+++++

Здесь мы встречаем очередной парадокс истории СССР: наш народ, стоически сносивший лишения и тяготы, голод и даже необоснованные репрессии, вдруг зароптал в тучные и сытые годы, когда и в самом деле (наконец-то!) «жить стало лучше, жить стало веселей». Этот парадокс, впрочем, кажущийся – предыдущий текст его объясняет.

Однако объективная необходимость реформ не была дополнена субъективным фактором – способностью руководства страны мыслить диалектически. «Перестройка» потому закончилась неудачей, что не имела теоретического обоснования. В условиях отсутствия чётких представлений о конечной цели преобразований последние превратились из созидательного фактора в разрушительный. В лице так называемых «кооперативов» (на деле – частнокапиталистических предприятий) системе был нанесён удар сокрушительной силы. Государство разом лишилось монопольного положения в сфере ценообразования и на рынке труда. Был потерян контроль над доходами населения. Потеряв целостность, система пошла «вразнос».

Одним из источников развития советской экономики являлось искусственное ограничение потребления (см. книгу¹⁸, с. 128). Опережающий рост тяжёлой промышленности

в течение долгого времени осуществлялся за счёт стагнации (в условиях недостатка инвестиций) сельского хозяйства и отраслей, выпускавших потребительские товары. Поэтому в одной из могущественнейших держав мира население жило небогато. Указанная причина наряду с другими привела к обострению дефицита товаров. К концу «перестройки» нереализованные и во многом обоснованные социальные притязания граждан превратились в политический фактор.

В основе всеохватывающего кризиса советского общества лежала *идеологическая* причина – кризис наших представлений о социализме. Задача заключалась в том, чтобы выработать новую концепцию социализма, отказавшись от идеи тотального господства общенародной собственности, но сохранив при этом опору на общественные формы собственности, поскольку вся история СССР доказала, что они обладают огромным потенциалом. Однако КПСС даже перед лицом гибели своей и Советского государства оказалась неспособной преодолеть догматизм своего подхода к марксистской теории. Социалистическая альтернатива развития страны так и не была разработана.

Если до сих пор считалось, что социальные революции происходят, когда производственные отношения *отстают* от развития производительных сил, то своим примером мы доказали, что результатом *опережения* производственными отношениями достигнутого уровня развития произво-

дительных сил является социальная контрреволюция. История не прощает пренебрежения объективными законами её развития и за необоснованное забегание вперёд наказывает не менее жестоко, чем за отставание. В этом – закономерность(!) трагедии 1991 года.

Высшее достижение

Как в целом можно оценить итоги советского периода истории нашей страны? Вероятно, время объективного, диалектически выверенного ответа придёт ещё очень не скоро.

+++++

По поводу методов проведения и цены реформ Петра I, например, историки даже через 300 лет не могут прийти к консолидированному мнению. Декабристам «повезло» больше: по их поводу спорят только 200 лет.

В настоящий момент ответ, скорее всего, будет зависеть от занимаемой идеологической и политической позиции: очень сложно отрешиться от политических пристрастий и не запутаться в паутине концептуальной лжи¹⁹.

Во всяком случае, *не нам* судить об обоснованности выбора наших предшественников. Они выстрадали своё право на попытку осуществления самого грандиозного социального эксперимента в истории. Ответственные исследователи, даже не слишком лояльные к Советской власти и коммунистической идеологии, вынуждены признавать, что эпоха СССР – *вершина развития российской государственно-*

сти. А теперь мы скатились с этой вершины вниз. Чтобы судить людей, создавших и укреплявших Советский Союз, надо прежде выбраться из того болота, в котором мы оказались.

+++++

Наука способна выявить объективную логику событий и объяснить «необъяснимые» и парадоксальные факты. Но она пока не может дать выверенную оценку эпохе СССР. Вместе с тем каждый волен сформировать своё личное, субъективное отношение к этому периоду нашей истории, исходя из собственных убеждений, принципов и жизненного опыта.

Но можно хотя бы правильно сформулировать вопрос. Оценка советского периода зависит от ответа на вопрос: *в какой мере можно считать оправданным создание и развитие СССР на основе вульгарно-коммунистического способа производства?* Именно ему, как показано выше, мы обязаны выживанием в гражданской войне и победой в Великой Отечественной. Невозможно оспаривать решающую роль «советского» способа производства в индустриализации, создании современной промышленности и первоклассной науки, в обеспечении доступа широким слоям народа к знаниям и культуре. Казалось бы, ответ на поставленный вопрос очеви-

ден. Но ведь невозможно забыть и о той поистине страшной, ужасной цене – в виде массовых политических репрессий, которую пришлось заплатить за эти достижения.

Вульгарно-коммунистический способ производства был беспрецедентно, просто феноменально эффективен при преодолении кризисов и осуществлении прорывов – экономических, технологических, социальных, научных, культурных. Но в *долговременной* перспективе он был обречён – в силу неадекватности производственных отношений производительным силам XX века.

При вынесении приговора следует учесть ещё одно, далеко не последнее по важности соображение. Главным(!) достижением эпохи СССР стало рождение нового человека. *Советский человек – это высшее достижение человеческой цивилизации* за все пять тысяч лет её истории. Секрет поистине богатырской силы духа советских людей и их феноменальной способности преодолевать любые, самые невероятные трудности заключался в их вере в коммунистические и патриотические идеалы. Вероятно, можно сделать многочисленные оговорки по поводу этого утверждения, но в основе своей оно всё-таки истинно. Только такие люди и могли защитить Родину в самой страшной из всех войн, проявлять чудеса трудового героизма и удивлять остальной мир своей постоянной готовностью «штурмовать даже небо» в прямом и переносном смысле. История подтверждает, что великая *социальная* идея и есть тот «рычаг», с помощью которого

можно «перевернуть» мир. (Это – информация к размышлению для тех, кто уже замучился, отчаялся и впал в депрессию, пытаясь найти «национальную идею». У Советского Союза она была! В этом и заключалась его сила).

+++++

*Суть коммунистической идеи, конечно, не в том, чтобы получить от каждого по способности, а дать ему по потребности. Классики марксизма видели конечную цель коммунистических преобразований в «создании нового человека». Конец фразы взят в кавычки, так как эта формулировка – существенное упрощение, допустимое разве что для краткости. Создать нового человека, конечно, нельзя, можно только обеспечить предпосылки для его появления. Поэтому правильнее и точнее говорить об **освобождении человека от всех форм зависимости и отчуждения** – отчуждения от средств производства, результатов своего труда, качественного образования и медицинской помощи, научных знаний, богатств культуры и т. д. Ликвидация частной собственности (если она необходима) и обобществление средств производства – лишь предпосылки достижения этой цели, но не сама цель.*

Маркс так ответил на обвинение в том, что представители самого передового класса – пролетариата зачастую не являются носителями лучших человеческих качеств: «Да, человек низок, жалок, завистлив. Но он такой потому, что

таковы условия его существования. Измените их – и вы получите другого человека». (Высказывание Маркса приведено в вольном пересказе).

С этой точки зрения, разве можно утверждать, что советские коммунисты не достигли своей цели? Они ведь и в самом деле воспитали, «создали» этого нового человека. Несколько поколений этих «новых русских» своим подвижническим трудом построили Великую Страну – великую не только экономически, но и духовно. Они доказали тезис истмата: изменение общественной среды, экономических условий существования человека меняет и его самого. И в этом их главное достижение, которое позволяет с оптимизмом смотреть на будущее социализма.

Но время величайшего взрыва энергии народа, ослепительной вспышки человеческого духа прошло. Советский народ не распался и не вымер. Он представлял собой не этническое образование, а социальный феномен. Поэтому с крахом объединявшей и сплачивавшей всех вульгарно-коммунистической идеологии он просто *перестал существовать*. Однако, породив советского человека, отечественный вульгарный коммунизм может рассчитывать получить за это на высшем суде Истории отпущение значительной части своих грехов. И лучшими его адвокатами станут герои Великой Отечественной войны, подводники с «К-19», пожарные Чер-

нобыля и миллионы других настоящих *советских* людей.

Уроки

Мы должны понять свою историю, чтобы извлечь из неё уроки. Эти уроки могут оказаться горькими. Не осознав и не признав ошибок, мы провоцируем их повторение. Постигение логики прошлого должно помочь понять логику настоящего и будущего.

+++++

*Эта работа стала результатом применения метода исторического материализма (политэкономического анализа) к отечественной истории последних полутора столетий. Факты показывают, что только этот метод позволяет **выявить скрытые фундаментальные объективные причины событий**. Другие подходы не позволяют продвинуться дальше субъективных мотивов действующих лиц и частных, второстепенных причинно-следственных связей.*

За примерами не надо далеко ходить. Главной причиной разрушения отечественной экономики в 1990-х гг. стала *неадекватность* бездумно насаждаемых рыночных отношений доставшейся нам в наследство от СССР предельно монополизированной (и в отраслевом, и в региональном разрезе) структуре производительных сил. Монопольное положение

ние крупных специализированных предприятий, служившее одним из источников силы(!) советской экономики, в новых условиях превратилось в разрушительный фактор. Гиперинфляцию – внешнее проявление этой неадекватности – удалось устранить только путём обвального сжатия спроса. Для этого деньги изымались из обращения, были сняты все ограничения для перевода прибыли за границу, намеренно не выплачивалась заработная плата. Крах производства стал платой за установление рыночного квазиравновесия на уровне, на котором искусственно «задушенный» платёжеспособный спрос не позволял разгуляться безумию монопольного рынка. В конце концов с инфляцией справились, рубль стабилизировали, но ценой этой «пирровой победы» стала гибель советской промышленности и деградация сельского хозяйства. Тем более, что конкуренцию «развивали» путём снятия всех препятствий перед иностранной продукцией. Таким образом, в основе экономической политики лежала, по сути, та же фундаментальная причина, что и в эпоху СССР, но уже при другом способе производства. Да и субъективный фактор тот же – догматическая одержимость власти, на этот раз, либеральными идеями.

+++++

Самое удивительное, что некоторые отечественные «выдающиеся» экономисты до сих пор считают осуществление «шоковой терапии» своей заслугой. Это можно рас-

*смагтривать в качестве типичного проявления профессио-
нального идиотизма. Съездили бы лучшие на курсы повыше-
ния квалификации в Китай (но только за свой счёт).*

Необходимо любое положение теории пропускать через фильтр здравого смысла. Самый прогрессивный и справедливый общественный строй тот, чей способ производства адекватен уровню развития и характеру производительных сил. Поэтому неотвратимость и закономерность социализма должны обосновываться в первую очередь необходимостью повышения эффективности общественного производства на основе новой системы трудовой мотивации и лишь затем – стремлением устранить эксплуатацию и утвердить идеалы социальной справедливости.

Необходимо отказаться от взгляда на социализм как на первую, низшую фазу коммунизма. Социалистический способ производства должен явиться продолжением объективной логики эволюции капитализма. В силу этого он не может сразу и полностью освободиться от многих черт предыдущей формации. Вместе с тем перенесение на социализм атрибутов коммунизма ведёт в современных условиях к вульгаризации идеи обобществления средств производства.

Социализм нельзя «вводить» декретами. Декреты власти должны лишь формально узаконивать назревшие или уже частично произошедшие перемены в экономике и производ-

ственных отношениях.

Демократия выгодна, в том числе и экономически. Свободное столкновение идей – необходимое условие общественного прогресса и гарантия от застоя. Всякое ограничение свободы информации и оппозиционной деятельности следует рассматривать как свидетельство слабости власти, как признак неполной адекватности системы и необходимости её корректировки.

Однако никакие силы не защитят нас от новых ошибок и провалов, если мы не усвоим самый важный урок нашей истории: необходим критический и диалектический подход к положениям любой теории.

Список литературы

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37. С. 394.
2. Ю. Александров. СССР: логика истории. – М.: СИМС, 1997.
3. Ю. Александров. Сущность советского социализма. – «Свободная мысль», 1999, №8. С. 85-95.
4. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19. С. 224.
5. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 223.
6. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 2.
7. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 175.
8. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 508.
9. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 193.
10. Ю. Александров. К проблеме экономического обоснования

вания социализма. – «Диалог», 2001, №12. С. 34-45.

11. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 305, 306.

12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. – М., 1983. С. 89.

13. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 216.

14. Г.К. Широков. Парадоксы эволюции капитализма (Запад и Восток). – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 55, 56.

15. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. С. 203.

16. Н.М. Карамзин. История государства Российского в 12-ти томах. Т. 5. – М.: Наука, 1993. С. 209.

17. Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. – М.: Политиздат, 1989.

18. Ю. Александров (Ю.А. Корытин). Синтетическая концепция стоимости. – <https://vk.com/id608846425>.

19. Ю. Корытин. Концептуальная ложь и объективная истина. – «Диалог», 2003, №4. С. 15-19; <https://vk.com/id608846425>.

20. Ю. Корытин. Причина гибели СССР. – <https://vk.com/id608846425>.